

НАСТАЛО
ВРЕМЯ ЧУДЕС!

ОТЕЛЬ
«МАНИФИК»

ЭМИЛИ ДЖ. ТЕЙЛОР

18+

Эмили Дж. Тейлор
Отель «Манифик»
Серия «Young Adult. Любовная
магия. Бестселлеры ромэнтези»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69266206
ISBN 978-5-04-187683-8

Аннотация

Бестселлер The New York Times!

Номинация на лучшее фэнтези Best Young Adult Fantasy & Science Fiction 2022.

«Отель "Манифик"» – восхитительное, завораживающее фэнтези о любви, семье и мужестве. Волшебный роскошный отель путешествует по миру. Чтобы вернуться домой, придется раскрыть все его мрачные секреты, спрятанные за роскошным фасадом.

Роман подойдет всем поклонникам «Каравая» Стефани Гарбер, «Ночного цирка» Эрин Моргенштерн и «Ходячего замка» Дианы Уинн Джонс.

«Манифик» – не похож ни на один другой отель. Он наполнен волшебством, путешествует по миру, а его двери открыты лишь для избранных. Но такая магия хранит свои секреты. Это история о любви и мужестве, которое требуется, чтобы

противостоять чему-либо или кому-либо, неважно, реальному или волшебному». – *Melanchallina, создатель группы «Чердак с историями»*

«Увлекательная и захватывающая книга о любви к семье и родному дому, которая переносит в удивительный и прекрасно проработанный мир с отсылками к французской культуре и локациями, напоминающими вселенную "Ходячего замка"». – *Татьяна, книжный блогер @book_tutuk*

«Фантастическим образом книга погружает в детально проработанный волшебный мир, из которого не хочется возвращаться в реальный. Красивая история с ноткой романтики и страшных тайн. После прочтения хочется одного – скорее увидеть экранизацию!» – *theGirl*

Содержание

Пролог	7
1	10
2	21
3	31
4	50
5	63
6	85
7	97
8	109
9	121
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Эмили Дж. Тейлор

Отель «Манифик»

Emily J. Taylor

HOTEL MAGNIFIQUE

Copyright © 2022 by Emily Taylor Creative, LLC

Иллюстрация © 2022 by Jim Tierney

Дизайн обложки by Kristie Radwilowicz

Перевод с английского А. Самариной

Художественное оформление А. Андреева

В оформлении форзаца использована иллюстрация:

© umyai l sweet / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Самарина А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается Эрику

Пролог

Посыльной строго-настрого наказали доставить мальчика до полуночи. Казалось бы, нетрудная задача, хотя куда больше она привыкла доставлять свертки, и в дневные часы, а не маленьких детей посреди ночи.

Гонорар сулили достойный, но посыльная согласилась по другой причине. Ей было любопытно – вот и все.

Она гадала, почему обеспеченная парочка обратилась именно к ней. Почему отец мальчика отказался написать адрес на обрывке бумаги и предпочел шепнуть его ей на ухо и отчего плакала мама. И наконец, кто же заберет мальчика, учитывая, что доставить его нужно не к дому и даже не к какой-нибудь постройке – а в проулок, расположенный в дальнем конце города.

Мальчик с виду был самый обыкновенный, с безупречной кожей бронзоватого цвета – чуть темнее, чем у нее самой. По пути он не поднимал головы, и казалось, что даже ночной воздух тяжело давит ему на плечи.

Посыльная шла, вытянув перед собой руку с фонарем, чтобы хоть немного рассеять мрак, и с каждым шагом тревога в ней все крепла. Ей вспомнились дедушкины расска-

зы о магии, рассеянной по всему свету, о незавидной судьбе маленьких ребяташек.

Не то чтобы она верила в эти сказки – они ведь для малышей, и все же ускорила шаг.

До места назначения оставался какой-нибудь квартал. Мальчик уже едва волочил ноги. Схватив его за худенькое плечо, посыльная потянула его за собой по последней улице, а потом застыла как вкопанная.

Проулок исчез. Его место заняло причудливое, узкое здание. Оно идеально поместилось между соседними ветхими домами.

У входа было темно, но вдруг из мрака вынырнула фигура.

Посыльная подвела мальчика поближе.

– Это с вами я должна была встретиться?

Незнакомец что-то поднял. Тут же вспыхнула кроваво-красная восковая свеча, и посыльная увидела юношу, бледного и голубоглазого.

Она поискала глазами спичку – как он зажег свечу? Неужто...

Над свечой поднялся золотистый, блестящий дым. Он накрыл собою улицу и обвил, точно змея, посыльную. Крошечные сверкающие частички, похожие на пылинки в отсветах луны, мерцали и потрескивали как светлячки. Или как что-то еще. В нос ударил целый букет ароматов: сперва перечная мята, потом жженный сахар – словно кто-то позабыл на плите

карамель, – а следом – что-то гниlostное и цитрусовое.

Юноша приблизился к мальчику сквозь пелену золотистого дыма и по-отечески взял его за руку. Тот помешкал, а потом *сам* пошел следом за незнакомцем к узкому зданию.

Посыльная прижала ладонь к груди. Сердце колотилось о ребра в безумном, неровном ритме – такого с ней прежде не случалось. Казалось, происходит что-то странное и неправильное. Она подалась вперед, чтобы остановить юношу, но золотистый дым туго обвил ей ноги, не давая и шагу ступить. Посыльная открыла рот, чтобы крикнуть, но с губ не сорвалось ни звука – даже всхлипнуть не получилось.

Схватившись за горло, она наблюдала, как юноша остановился у входа. Он улыбнулся жуткой улыбкой, обнажив острые зубы, а потом склонился к мальчику.

– Пойдем со мной, – сказал он. – У меня есть для тебя прекрасная работа.

А потом открыл дверь и затолкал ребенка внутрь.

Дверь захлопнулась – и дым тут же рассеялся, только после этого посыльная смогла двигаться. Она бросилась к зданию, но то исчезло прямо у нее на глазах, оставив после себя лишь проулок, заросший сорняками и укутанный мраком.

1

Часто случалось, что я издалека узнавала сестру по голосу – так вышло и теперь. В открытое окно Дома Безье лились ее льстивые, напевные речи – и интонации были совсем как у нашей мамы, пока она не затянула грязную песенку, в которой хрупкая мужская анатомия сравнивалась с одним фруктом.

Я вошла в дом незамеченной. Две девчушки танцевали с невидимыми кавалерами, а толпа остальных обитательниц

не сводила глаз с моей сестры, самой талантливой из всех собравшихся.

Комнаты в Доме Безье снимали девушки особого сорта. Почти все они работали там, где несложно было поднатореть в сквернословии: убирались в домах, прислуживали на кухнях, трудились на фабриках и соглашались на многие другие низкооплачиваемые предложения, которые только можно было получить в *vieux quais* – старых доках – Дюрка. Я же работала в дубильне¹ Фреллак, где женщины корпели над шершавыми алюминиевыми кастрюлями и бочками с краской. Но Зося – Зося от нас отличалась.

– С днем рождения! – крикнула я, когда она допела свою песенку.

– Жани! – Зося подскочила. Ее большие карие глаза поблескивали на чересчур исхудавшем лице, обтянутом бледно-оливковой кожей.

– Ты ужинала? – Я оставила ей немного еды, но та имела обыкновение исчезать – спасибо толпе постоялиц Дома.

– Да. Ты каждый вечер об этом спрашиваешь! – недовольно проворчала она.

– Само собой. Я же твоя старшая сестра. Это моя главная обязанность! – Зося сморщила нос, и я легонько по нему щелкнула. Потом сунула руку в сумку, вытащила из нее га-

---

¹ Дубильня – помещение, где кожа подвергается дублению – обработке специальными составами, придающими ей пластичность, прочность и другие свойства. После этого из нее производят различные изделия. – *Прим. пер.*

зету, стоившую мне половину дневного жалования, и вложила сестре в руки. – Ваш подарок, мадам! – В этом Доме именинников не засыпали горстями сахарной пудры – дни рождения здесь доставались огромным трудом и ценились на вес золота.

– Газета?

– Раздел с вакансиями, – подсказала я и с хитрой ухмылкой нашла нужную страницу.

Там предлагали работу в магазинах маскарадных костюмов, кондитерских, парфюмерных – словом, вакансии, на которые едва ли могла рассчитывать девочка тринадцати лет, тем более что на вид ей сложно было дать больше десяти. По счастью, я для нее присмотрела совсем не это.

Пролистав первые объявления, я указала ей на то, что опубликовали всего час назад.

Напечатано оно было фиолетово-алой краской, напоминавшей цветом и кроваво-красные маки из Алиньи, и толченый аметист. Эта надпись сразу бросалась в глаза, точно причудливый яркий маяк посреди черно-белого моря.

ОТЕЛЬ «МАНИФИК»²

НАНИМАЕТ ПЕРСОНАЛ!

**СБОР ЖЕЛАЮЩИХ –
ЗАВТРА В ПОЛДЕНЬ.**

СОБЕРИТЕ ВЕЩИ;

**ОТПРАВКА В ДАЛЬНЮЮ-
ДАЛЬ – В ПОЛНОЧЬ.**

Нас тут же обступили постоялицы Дома. Все как зачарованные смотрели на фиолетовые чернила, а те искрились и переливались всеми цветами радуги, точно лунные камешки.

Адрес не указали. Впрочем, это было ни к чему. Леген-

---

² От фр. Magnifique – «великолепный». – *Прим. пер.*

дарный отель раз в десять лет появлялся в одном и том же проулке на окраине города. Сейчас там, наверное, уже собрался весь город – и все как дураки ждут возможности попасть внутрь.

Несколько лет назад приглашения в отель заранее разослали самым богатым горожанам. А в день, когда он появился в проулке, еще несколько бесценных конвертов раздали случайным людям в толпе. Наша покровительница, Минетта Безье, попала в число счастливиц.

В полночь гости переступили порог отеля и исчезли – вместе с самим зданием. А спустя пару недель вернулись в тот же проулок – внезапно, как гром среди ясного неба.

Я представила, как вскрываю конверт со своим приглашением, и пальцы свело приятной судорогой. Но даже если нам повезет, нужно еще заплатить за номер – а они там не из дешевых.

Зося сдвинула брови.

– Хочешь, чтобы я пошла на собеседование?

– Не совсем. На него пойду я. А ты – на прослушивание, как певица.

Прошлый раз я водила ее на прослушивание четыре года назад – тогда все кончилось неудачно и мне не хватало духу повторить попытку. Но сегодня был знаменательный день. День рождения Зоси, а заодно и день появления отеля. Лучше и не придумаешь.

– В отеле постоянно требуются певцы, – продолжила я. –

Ну, что скажешь?

Зося улыбнулась, и от волнения у меня закололо пальцы на ногах.

Одна из девушек постарше заправила сальную прядь белокурых волос за розовое ухо.

– Пустая замануха это все. Вряд ли кому-то из нас там дадут работу.

– Неправда, – возразила я, выпрямившись во весь рост.

Девушка пожалала плечами и отвернулась.

– Делайте что хотите. А я время попусту тратить не стану.

– Она ведь права, да? – неуверенно спросила Зося, и уголки ее нежных губ опустились.

– Ни капельки, – заверила я ее – пожалуй, чересчур поспешно. Зося нахмурилась, а я тихо ругнулась и провела пальцем по старинному маминому ожерелью.

Дешевенькое украшение было сделано из верданньерского золота, прочного как сталь. Маман всегда шутила, что и мой хребет отлит из этого металла. Я часто прикасалась к этой вещице, когда мне нужна была мамина помощь с Зосей. Не то чтобы я ее получала – с мертвых матерей какой спрос.

– Раз отель напечатал объявление, значит, шанс есть. Завтра мы им покажем, на что способны. Когда они увидят, какие мы умницы, мы наконец распрощаемся с этой дырой.

Эта мысль ярким угольком теплилась в груди.

Дрожащими пальцами я поправила один из локонов темноволосой Зоси – совсем как когда-то маман.

– Давай покажем объявление Безье. Она знает об отеле больше, чем все мы.

Сестра кивнула, глаза у нее блестели. Я взяла у нее из рук газету, раскрытую на разделе с вакансиями, и поспешила к Безье, а девчонки – за мной. Преодолев два лестничных пролета, я оказалась в своей любимой комнате – гостиной, расположенной на третьем этаже. До того как Безье купила это здание, здесь жили матросы. Поэтому комната была увешана полками, забитыми старинными морскими картами и атласами далеких стран, которые я частенько листала.

Безье сидела у огня, поставив на подоконник ноги, затянутые в чулки. За окном виднелся порт Дюрка и лил дождь, превращая ненавистный мне город в размытое пятно.

Когда мы все вбежали в гостиную, Безье поджала губы.

– Что опять стряслось?

Я протянула ей газету. Отблески пламени упали на фиолетовые буквы, и Безье изменилась в лице.

– Что такое? – спросил кто-то за моей спиной.

Безье взглянула вверх камина, на забраный стеклом лист бумаги – ее собственное приглашение. В бледном свете фиолетовые чернила на нем переливались так же, как и краска, которой было отпечатано объявление.

– Я так понимаю, отель «Манифик» возвращается.

Открылась еще одна дверь, и еще несколько постоялиц протиснулись в гостиную – их тоже распирало от любопытства.

– Я слышала, там гости за завтраком пьют из бокалов жидкое золото, – сказала какая-то девушка в дальнем углу комнаты. И тут все принялись делиться сплетнями.

– Говорят, там подушки набиты не перьями, а настоящими облаками!

– А я слышала, будто каждую ночь отель трижды пересекает весь свет!

– А красавцы швейцары там все сплошь принцы из далеких краев...

– Они, небось, и целуются, как положено принцам. – Смуглая румяная девица вульгарно цокнула языком. К счастью, Зося этого не заметила. Она расплылась в улыбке.

Увы, проверить правдивость этих слухов было невозможно: перед тем как покинуть отель, гости лишались всех воспоминаний о времени, проведенном в его стенах, и возвращались домой только с вещами и чувством безграничного счастья. Безье даже приходилось по первости лед к лицу прикладывать – слишком сильно болела челюсть от широкой улыбки.

Я с любопытством посмотрела на нашу покровительницу. Ее взгляд затуманился, точно возвращение отеля пробудило в ней какое-то воспоминание. Я открыла было рот, чтобы поподробнее расспросить ее об этом, но тут Зося выступила вперед.

– А вы видели хозяина?

Метрдотель – хозяин отеля «Манифик» – был известен

ничуть не меньше, чем его собственность.

Безье самодовольно кивнула.

– Однажды, когда я была еще юна и хороша собой, отель в очередной раз возник в городе. На всю жизнь запомнила улыбку хозяина – ничего прекрасней не видела! Он буквально светился, когда приветствовал толпу! Помнится, у него в руке откуда ни возьмись появился цветок, и он бросил его мне. – Она сделала вид, будто ловит крошечный бутон. – Он пах, как черничный пирог, но мгновенно рассыпался в моих пальцах. А когда десять лет спустя отель снова возник в проулке, оказалось, что хозяин ничуть не изменился!

– Это как? Он что, был одет как и прежде? – спросил кто-то.

– Нет же, глупышка. Он *выглядел* так же, как раньше. То же лицо. То же очарование. Он не состарился ни на день. Впрочем, это неудивительно. Это ведь величайший сюминар в мире.

Девушки ахнули, услышав слово «сюминар» – так на староверданньерском именовали волшебников.

В мире за пределами отеля не было никого опаснее сюминаров. Поговаривали, что магия начинает копиться у них в крови еще с отрочества, а потом неудержимо рвется наружу и может ранить – а то и убить – всех, кто только окажется рядом.

Кто-то рассказывал, что она вылетает из детского носа темным облаком. Кто-то описывал ее как черные пальцы,

сжимающиеся на детской шее. Но до этого самого выплеска магии отличить обыкновенного ребенка от сюминара было невозможно.

Само собой, ходили слухи о том, по каким приметам можно узнать сюминаров. Поговаривали, что они кровожадны и что язык у них черный. Говорили даже, что некоторые оживали после смертельных ран и обнаруживали в себе магию. Но никто не мог этого доказать.

Как бы там ни было, но магия эта так опасна, что в Верданне на протяжении многих лет топили или сжигали детей, заподозренных в принадлежности к сюминарам.

А вот в стенах отеля магия была безопасна. Поговаривали, что его хозяин заколдовал здание таким образом, что сюминары, служившие ему, могли являть чудеса своих дарований, не обидев и мухи. Никто не понимал, как ему это удалось, но всем хотелось поглазеть на это чудо.

Пока никто еще не успел задать новый вопрос, Безье хлопнула в ладоши.

– Уже поздно. Все марш в свои комнаты.

– Погодите, – попросила я. – Вы что-нибудь вспомнили об отеле? Он и правда такой волшебный, как говорят? – Стоило этим словам сорваться с моих губ, и мне стало неловко.

Но Безье мой вопрос не смутил и не насмешил. Она с тоской поглядела на свое приглашение.

– Думаю, это еще слабо сказано, – с горечью произнесла она. Мне бы тоже было обидно, если бы у меня отняли луч-

шие воспоминания моей жизни. Безье бросила объявление в камин и отшатнулась от него. – Господи.

Бумага вспыхнула огнем – сперва розовым, потом зеленым, затем пурпурным, и вот уже в камине заплясали радужные отсветы. Пламя крепло, поднималось все выше и выше, и от него невозможно было отвести глаз, точно от витрин на бульваре Мариньи.

– Это магия! – прошептала Зося.

По моему затылку скользнул холодок. Недаром отель «Манифик» слыл диковинкой и вызывал у всех восторги. Магия была явлением редким, опасным, ее избегали всеми силами. Вот только отель жил по иным законам, и, возможно, завтра нам мог представиться шанс с ними познакомиться.

К утру влажный южный ветер усыпал доки скользкими водорослями. Я крепко сжала руку Зоси, и мы поспешили по пристани, мимо рыбаков, разгружавших свой улов, и матерей, целующих сыновей-моряков перед отплытием.

– Жани, гляди! – воскликнула Зося и указала на паром, идущий в порт. – Это наш или нет?

– Трудно сказать.

Четыре года назад, после маминой смерти, я потратила

баснословную сумму на то, чтобы переправиться в этот город из Алиньи, нашей маленькой деревеньки, расположенной выше по побережью.

Дорога заняла пять дней. Зося предавалась мечтам о всяких безделушках, которые накупит себе в Дюрке, – о кружевных перчатках без пальцев, о полосатых баночках с розовым кремом, которым ее мазала маман. А с моих губ не сходила улыбка – я верила, что моя жизнь вот-вот забьет ключом.

Но стоило нам сойти на берег, и сказке пришел конец. На пристани толпились люди. Зосе было всего девять, и я не отпускала ее от себя ни на шаг. Тогда-то я вдруг отчетливо поняла: все, кто мне дорог, или погибли, или остались в Алиньи. А мы попали вдвоем в чужой город – и все из-за меня.

Отъезд был ошибкой. Последние месяцы я старательно копила на возвращение в Алиньи. Учитывая, как мало получалось откладывать, мне даже думать не хотелось, сколько времени уйдет на сбор нужной суммы. А вот если устроиться в отель, глядишь – и удастся вернуться домой на несколько лет быстрее.

От этой мысли перехватило дыхание, и живительные, золотые воспоминания о доме накрыли меня с головой. Я чувствовала под ногами неровную мостовую, по которой бегала ребенком, объевшись клубники, собранной с пышных летних кустов.

– Пошевеливайтесь! – рявкнула бледная женщина с накидкой из выдры в руках и отвлекла меня от мыслей. Она

обошла нас, стараясь выдержать дистанцию.

Зося подцепила несколько дырочек на своем платье – самом лучшем из всех, что были.

– Она, наверное, решила, что мы из-под причала вылезли. Все сегодня такие нарядные.

Я сняла свою помятую лиловую шляпку. Выглядела она жутко старомодно, но ничего лучше не нашлось. Я наклонилась и надела ее на голову Зосе, точно корону.

– Самые нарядные тут мы, мадам! – объявила я, и сердце радостно подскочило при виде ее улыбки. – Прибавим шагу! Сам метрдотель ждет нас на чай!

Мы прошли мимо доков и углубились в город. С карнизов домов свисали целые гирлянды фиолетовых флажков, а каждый порог украшали зеленые и розовые гвоздики. Такого пышного праздника я еще не видела – и все в честь отеля!

– Сколько же тут народу! – Зося хихикнула, когда мы завернули за угол по соседству со знаменитым проулком. – Даже ног своих не вижу!

Я отдернула ее от большой толпы, спешащей нам навстречу.

– Смотри вперед, а не то твои хорошенькие ножки кто-нибудь отдавит! Сама же потом будешь жаловаться!

Зося закружилась на месте.

– Не буду! Ничего не испортит мне настроения!

– Не хватало еще потеряться, – проворчала я. Одна мысль о том, что толпа может нас разлучить, всегда будила во мне

тревогу.

– Охота тебе все веселье портить?

– У меня ведь есть правило: до обеда никакого веселья! – шутливо напомнила я.

– Ты это всерьез?..

– Пойдем уже, – сказала я и потащила ее за собой на площадь, где выступали уличные актеры в атласных сорочках и масках из папье-маше. Зося отшатнулась, когда навстречу ей выскочила одна из актрис. Из-под маски у нее лились, точно слезы, струйки алой краски, и она распевала песенку:

«Как-то раз сюминар колдовство применил
И жену в погребальный костер обратил!
Он ей выжег глаза, он ей кости спалил,
И бедняжке конец наступил!»

Мне не раз доводилось слышать эти строки. Про сюминаров по-прежнему слагали сказки и песни, хотя в этих краях их давно никто не видел. За минувшие десятилетия они редко напоминали о себе, и люди перестали бояться опасной магии – теперь она пробуждала скорее любопытство, и верданньерские обычаи заметно смягчились. Отель только усиливал интерес. Людям так хотелось испытать магию на себе, что они позабыли о страхе – так путник смело шагает по полю, не думая о том, что его может убить разряд молнии.

– Как думаешь, увидим мы сегодня сюминара? – спросила Зося.

– Надеюсь, только *внутри*. Там, где хозяин всех обезопасит.

– Он, наверное, красавчик!

– Для тебя все равно староват! – проворчала я, легонько щелкнув ее по носу. – Пойдем!

Вскоре мы поравнялись с двумя смуглыми мужчинами. На губах у них играла восторженная улыбка. Каждый сжимал плотный конверт. Приглашения!

– В этот раз – шесть победителей! – крикнул кто-то.

– Они уже выбрали победителей? – Я побледнела. Условия конкурса мне нравились – они ведь давали надежду всем. И все-таки я ощутила укол зависти, от которой не получалось отмахнуться. Не успела я ступить и шага дальше, как Зося дернула меня за рукав – да так сильно, что едва не оторвала мне руку. – Ай!

– Гляди-ка! – Она указала куда-то в сторону.

И тут я увидела отель.

Выглядел он так, точно всегда стоял в узком проулке между домом аптекаря Ришелье и чайной. Обшитая узкими досками единственная башенка с окнами поднималась на пять этажей в высоту. Навскидку в ней могло уместиться от силы десять крохотных комнатушек. Над входной дверью висела табличка – чересчур нарядная для скромного здания. На ней кусочками жемчуга было выложено два слова: «Отель “Манифик”».

– Ну и ну, – разочарованно протянула я. На вид отель ока-

зался совсем невзрачным.

На самом верхнем этаже было единственное круглое окно вдвое больше остальных, а на нем разместилось несколько суккулентов. Какие счастливики. Вот только непонятно, как они там оказались. И как путешествует сам отель.

Поговаривали, что отель посетил все уголки мира. В географии я разбиралась неплохо и знала, что Верданн – самая крупная страна на континенте, граничащем на севере с высокими горами Скаади, а на востоке – с Притом, овеваемым всеми ветрами. А вот за его пределами встречаются страны и побольше и океаны, что омывают далекие края. Мир огромен и настолько разнообразен, что просто уму непостижимо, и все же этой невысокой постройке удалось его пересечь.

Мы с Зосей обе вздрогнули от женского возгласа:

– Это же хозяин!

У двери стоял юноша.

– Я видела, как он приглашения раздавал! – продолжала женщина. – А первой счастливнице даже розы вручил, когда она внутрь входила!

– Какой красавчик, – ахнула Зося. – Я так и знала!

Я сощурилась. В лучах яркого солнца метрдотель блистал, как только что отчеканенный серебряный дублон. Одет он был в черную ливрею, и на ее фоне его светлая кожа казалась почти белой.

Безье была права. Величайший сьюминар мира был моим ровесником – ему никак нельзя было дать больше де-

вятнадцати, на худой конец, двадцати. Он был поразительно юным. Или только казался.

Однако сумел заколдовать целое здание, сделать так, чтобы в его стенах сюминары-прислужники могли колдовать без всякой опасности для гостей.

– Добро пожаловать. – Метрдотель выхватил из воздуха тюльпан и вручил пожилой смуглой даме, которая торжественно вошла в отель, прижимая к себе приглашение. – Очень рад, очень рад, – сказал он бледной молодой женщине – тоже с конвертом, – а после добавил, обращаясь к ее дочке: – Чудесная шляпка, мадемуазель. – Обе гостьи скрылись за дверью, а за ними последовала пара мужчин с восторженными улыбками.

Метрдотель прочистил горло.

– Спасибо всем, кто пришел. Ждем вас в следующий приезд!

Он элегантно поклонился, а когда поднялся, в его длинных пальцах появился букет лилий. Он подбросил его в воздух. Цветы превратились в птичек, которые рассеялись блестящим фиолетовым дымом, стоило им только захлопать крыльями. Когда я отвела от них взгляд, метрдотеля уже и след простыл.

Удивительно. Там, где он прежде стоял, теперь протянулась веревка, загородив вход. На ней висела табличка: «Только для гостей и персонала».

– Как думаешь, собеседования проводят внутри? – спро-

сила Зося.

– Не знаю, но сейчас выясню. – Я скользнула по табличке взглядом. Уж заглянуть внутрь одним глазком наверняка получится! – Жди меня тут.

Растолкав толпу, я поднялась по ступенькам и поднырнула под веревку. На лакированной черной двери были выгравированы слова: *le monde entier*.

Целый мир.

Эти слова цепляли, так и манили войти.

Я распахнула дверь, но не смогла ничего толком разглядеть. Шагнула вперед. И врезалась в стену.

Отпрянув, я провела кончиками пальцев по невидимой стене – выяснилось, что вход забран стеклом или чем-то очень на него похожим, во всяком случае, мне так показалось. И тут вдруг чья-то рука потянулась ко мне и схватила за запястье. Я вскрикнула и увидела перед собой молодого швейцара.

Я удивленно захлопала глазами. Дверной проем, оказавшийся стеной, мальчик, прошедший сквозь нее, что за чудеса?

Хотя нет, для мальчика швейцар был чересчур высок и крепок – под ливреей угадывались мышцы. Если метрдотель был бледен как мел, этот юноша – напротив. Кожа у него была теплого, медного оттенка, а карие глаза с любопытством смотрели на меня.

– Чем могу помочь? – спросил он на верданньерском с

акцентом, которого я прежде ни разу не слышала.

Я посмотрела на отель, припомнила все те атласы, которые я разглядывала в гостиной Безье, кусочки суши, которые я обводила кончиком пальца. Удивительно, что такое старое здание выдерживало долгие путешествия.

– Где вы были вчера? – спросила я.

– В минуте пути отсюда, – коротко ответил юноша. А когда я стала ощупывать стену, он захлопнул дверь. – Внутри можно только гостям и персоналу.

Ах да. Так ведь было написано на той дурацкой табличке.

– А где проводят собеседования?

– Хочешь собеседоваться в отель?

Он явно удивился, и меня это рассердило. Я смерила его мрачным взглядом.

– А что, незаметно?

Дверь неожиданно распахнулась, и мы оба подскочили. Наружу высыпала горстка гостей. Впереди шла смуглая невысокая девушка. На ее шее синело лазуритовое ожерелье. За ней шел еще один гость – такой бледный, что в лучах летнего дюркского солнца он рисковал мгновенно обуглиться.

Они смеялись. От них исходил сладковатый аромат, от которого у меня едва не подогнулись ноги.

– Чем это пахнет?

– Жасминовым десертом. Ничего необычного.

Вот уж не скажи. Мне захотелось *съесть* этот аромат – до того он был аппетитным!

– Звучит интересно! А откуда он?

– Пардон, но я спешу. Нет у меня сейчас времени на глупых девчонок.

– Что-что?

– Что слышала, – с ухмылкой сказал он и попытался протиснуться мимо меня. Пробраться в здание без чужой помощи я не могла, а швейцар был единственным человеком из отеля, которого мне удалось встретить – не считая хозяина. И хотя ему удалось страшно меня разозлить, я схватила его за руку.

– Где проводят собеседования?

– Я занят, что тут непонятного?

– Тогда поскорее ответь на мой вопрос.

Он внимательно посмотрел на меня, потом скользнул взглядом по улице. Я постаралась проследить, что же он ищет, но кроме толпы ничего не увидела. Швейцар убрал локон, упавший мне на шею, и у меня перехватило дыхание.

– На твоём месте я бы пошел напрямиком домой. Сделал бы вид, что отель вовсе и не появлялся, – тихо произнес он. А потом скользнул мимо меня и потерялся в толпе.

Еще часа два швейцар и его осуждающий взгляд никак не шли у меня из головы. Как и его слова. Должно быть, он считал, что мне в отеле «Манифик» не место, вот и пытался меня прогнать.

Я принялась нервно обкусывать кончики пальцев, покрытых зелеными пятнами. Краска их дубильни пахла портовой сыростью, как и многое в Дюрке. Поговаривали, что, если прожить тут долго, ребра облепят морские желуди. Я в это

верила. Даже после ванны, которую я принимала не так уж и часто, кожа моя все равно воняла тухлой рыбой. Но я отказывалась сдаваться. Маман всегда говорила, что упрямство меня погубит, но я ничего не могла с собой поделать. Швейцар раззадорил меня, и я еще сильнее захотела попасть в отель на работу.

– Очередь почти не движется! Интересно, а можно еще медленнее?

– Надеюсь, нет. – Зося утерла вспотевший под шляпкой лоб.

Очередь в старую чайную у отеля, где, как мы выяснили, и проводили собеседования, была до безобразия длинной. А мы стояли в самом ее конце, к несчастью для моих икр, которые страшно болели.

Когда мы наконец добрались до входа, Зося указала на позолоченную табличку, на которой были перечислены вакансии: артист, музыкант, судомойка. Светлокожий мужчина, одетый в слишком плотный для такой жары костюм, не удостоил нас даже улыбкой. А просто распахнул дверь и толкнул нас внутрь.

Внутри на мраморных прилавках стояли серебристые весы. Полки были уставлены высокими стеклянными банками, набитыми яркими чайными листьями.

– Следующий! – крикнул женский голос из задней комнаты. Там проходили собеседования.

– Пойдешь первой? – спросила Зося. Ее голос дрожал от

волнения, как на первом прослушивании несколько лет назад.

Я поправила ленту на шляпке.

– Конечно.

В комнате меня встретила статная женщина с оливковой кожей. Волосы у нее были коротко остриженные, каштановые – они блестели, как ее бархатный брючный костюм. Одежда она была по-мужски, но любого франта заткнула бы за пояс. Мне она сразу понравилась, но это чувство прошло, как только она увидела меня и поморщилась.

– Да тут и глядеть-то не на что, – заметила она и подняла повыше большой бронзовый компас с блестящей нефритовой стрелкой. – Замри-ка.

Стрелка закрутилась как сумасшедшая, ни разу не остановившись. Женщина убрала компас в карман.

– А это зачем?

– Вопросы тут задаю я. – Она взяла меня за подбородок. – Имя?

Я сглотнула.

– Жанин Лафайетт. Но все зовут меня Жани.

– Как скучно. – Женщина поджала губы. – А я Ирса, кстати. – Она выпустила мой подбородок. – Ты в этом городе всю жизнь живешь?

– Нет, я из Алиньи, далекой деревни вверх по побережью, – дрожащим голосом призналась я.

– И что же, нравилось тебе в деревне?

Когда мы были маленькими, маман часто поворачивала наши колыбельки к центру Алиньи, чтобы наши ноги всегда помнили путь домой – эта верданньерская примета осталась в моей памяти на долгие годы.

Мне и теперь отчетливо помнились узкие ряды домиков, окрашенных зимними закатами в ярко-желтый. Я знала, где зацветут маки, откуда мы раздобудем ужин. Там у меня были друзья, друзья, которые *тревожились* обо мне. Последние четыре года я словно бы никак не могла сделать глубокий вдох, а вот в Алиньи дышала свободно, полной грудью.

Теперь же все мои мысли были о том, как бы скорее вернуться домой, и душа ныла от тоски.

– Да, я люблю мою деревню. А сестру привезла в город после маминой смерти. Я хотела вернуться, когда...

– Так твоя мама умерла? – перебила меня Ирса. – А отец? Подробностей нам маман никогда не рассказывала.

– Он был фермером.

– Где же ты сейчас живешь?

Я начала ей рассказывать про Дом Безье, но вскоре она отмахнулась от меня и жестом велела замолчать.

– Довольно. Зови следующего.

Увидев меня, Зося подскочила.

– Ты как?

– Прекрасно, – солгала я. – Иди скорее, там тебя ждут.

Сестра поспешила в комнату, а я тайком утерла слезы. Глупо было на что-то надеяться. Я нащупала в кармане мо-

нетку, оставшуюся после покупки газеты. Что ж, хватит на коробку пастилок для Зоси, как раз утешиться после отказа.

Минуты шли. Из-за двери доносилось ее приглушенное пение. Наконец Зося вышла в зал. На ее лице застыло непонятное выражение.

– Ну как?

Она показала мне лист бумаги, и во рту у меня пересохло. Уголки у него загибались, как у старинных пергаментов. Внизу была проведена черная линия, и она сразу дала мне понять, что это за документ.

Один контракт. На одно вакантное место.

Тут в зал вышла и Ирса.

– Я предложила твоей сестре работу. Она будет петь для наших гостей за десять верданньерских дублонов в неделю.

Это втрое больше моего заработка. Пришлось прикусить язык, чтобы не вскрикнуть. Само собой, Ирса заприметила таланты Зоси, особенно в сравнении с ее бездарной сестрицей!

Нельзя отпускать ее одну. Будь тут маман, она велела бы мне что-то предпринять. Вот только Зося так сияла, точно в ней вспыхнуло солнце, и я не знала, что сказать, чтобы не разбить ей сердце.

Ирса выложила на стол ручку с бронзовым наконечником и бутылочку фиолетовых чернил. Достала золотую булавку, проколола моей сестре палец. На нем тут же выступила капелька алой крови.

Я вскинула руки.

– Вы что делаете?

– Это одно из условий контракта. Даже наши гости подписывают похожий документ. – Ирса добавила капельку в чернила. Те зашипели, а кровь мгновенно в них растворилась. Ирса окунула в них ручку и вложила ее в пальцы моей сестры.

Я покосилась на документ. Вопреки моим ожиданиям, далеко не весь контракт был составлен на верданньерском – языке, на котором говорили в Верданне и в некоторых других областях континента. Многие пункты были прописаны на языках, которых я прежде и в глаза не видывала. В самом низу был поставлен крестик.

Зося вся раздурмянилась от радости.

– Жани, я справилась! Впервые в жизни!

Меня накрыло волной зависти. Я сжала кулаки, чтобы не выхватить контракт из рук сестры и не подписать его самой.

– Моей сестре только-только тринадцать исполнилось, – сказала я Ирсе. – Она не может ехать одна. Поселите нас в одну комнату, дайте мне любую работу. – *Возьмите нас обеих.*

– Боюсь, это невозможно, – ответила Ирса. – Работу я уже дала ей. А переступить порог могут только гости и персонал.

Переступить порог – то есть пробраться сквозь ту незримую стену. Вместе нам ее не преодолеть.

– Не расстраивайся, – сказала мне Зося, – мы с кем-нибудь

поговорим! Мы все уладим!

Она не понимала, что мне надо найти работу, чтобы меня пустили в отель. Я закрыла лицо руками. А когда подняла взгляд, Зося уже выводила в самом низу контракта свое имя.

Я подалась вперед и опрокинула чернильницу. Фиолетовая лужица растеклась по столу, а я выхватила у сестры ручку и протянула ее Ирсе. А потом опустила взгляд и так и ахнула. Чернильница стояла на месте, закрытая крышкой. Из нее не пролилось ни капли, хотя еще секунду назад я своими глазами видела, как чернила текли по столешнице!

Это магия, не иначе!

– Твоей сестре надо вернуться в отель к шести часам. – Ирса убрала в карман пиджака подписанный Зосей документ и удалилась.

– Никуда ты не поедешь, – сказала я, придавив ногой старую ночнушку, за которой как раз тянулась Зося. Она дернула рубашку на себя, делая вид, будто вовсе меня не замечает, и швы затрещали. – Эй! Я тут! – Я коснулась пальцами ее лба, и Зося недовольно нахмурилась. – Ну наконец-то! Тоже мне, нашла невидимку!

По-прежнему не обращая на меня никакого внимания,

Зося запихала старые мамины ноты в грубый мешок, где лежали прочие ее вещи. Из мешка выскочил паучок и прыгнул ей на палец. Зося вскрикнула, стряхнула его с себя и развернулась ко мне.

– Вечно ты мне запрещаешь все, что я хочу!

– Это неправда. Вообще-то я обещала за тобой присматривать.

Зося закатила глаза.

– Это было еще до маминой смерти. А мне уже тринадцать. Ты и сама примерно в этом возрасте пошла работать на дубильню!

– По-твоему, у меня тогда был выбор? А сейчас мне семнадцать, и я получше в жизни разбираюсь. А еще плачу за все это, – я обвела жестом комнату, – так что будь добра считаться с моим мнением!

– За что ты платишь, за копоть? За насекомых, за вонь от гниющих зубов? Не ты же тут целыми днями рвешь на себе волосы и жалеешь, что нельзя сдернуть с себя кожу, чтобы только не чувствовать зуд и грязь! Если я буду получать по десять дублонов в неделю, я смогу присылать часть тебе! И к следующей зиме ты уедешь подальше от доков!

– Как же можно прислать деньги, будучи на другом конце света?

– Наверняка есть какой-нибудь способ!

– Что-то я о нем ни разу не слышала.

– Будь маман жива, она бы отпустила меня на эту рабо-

ту. – Верхняя губа у Зоси задрожала. – Жани, а я думала, ты хочешь, чтобы я пела!

– Да, хочу, – ответила я, и сердце у меня сжалось. Правда, что делать дальше, я не понимала. – Но только чтобы я была рядом, а не как сейчас! Прости.

Зося сорвала с головы лиловую шляпку и швырнула ее в коридор. Я шагнула было за ней, но резко остановилась. Из Зосино мешка выкатилась жемчужная сережка.

Мамина сережка.

Когда мы были маленькие, Зося часто надевала эти сережки и заводила громкие песни, представляя себя на сцене, а я подпевала ей – немелодично, точно ослица, которой медведь на уши наступил. Последний раз Зося надевала их на свое первое – и до сегодняшнего дня единственное – прослушивание в Дюрке.

Я погрузилась в воспоминания. В тот день я, решив, что с сережками Зося будет выглядеть старше, надела их ей на уши и дала ей свое старое розовое платье. Она походила на взволнованный трепетный цветочек, но нам очень нужны были деньги, да и Зося грезилась об этом прослушивании.

А я же теперь мечтала стереть этот день из нашей с ней памяти.

Я повертела сережку в пальцах. Конечно же, это была подделка под жемчуг: блестящая белая краска уже слезала, а под ней виднелась дешевая деревянная бусина. Когда прослушивание провалилось, я попыталась продать украшение ювели-

ру, а он меня высмеял. Но Зосе я так и не рассказала, что мамины серьги ничего не стоят.

– Послушай. Как только я накоплю нужную сумму, я оплачу паром в Алиньи. – Я взяла сестру за руку. Она попыталась вырваться, но я держала ее крепко. – А вдруг ты к этому времени еще не успеешь вернуться? Вдруг что-то случится и мне придется еще куда-нибудь уехать? Вдруг отель не вернется через десять лет? – Мне представилось, как я буду возвращаться с работы в пустую комнату, и к горлу подкатил ком. – Я не хочу оставаться одна, – призналась я с содроганием.

По щеке Зоси сбежала слеза. Немного помолчав, сестра крепко сжала мою руку своими тонкими пальцами. Потом села.

– У меня так волосы запутались под этой шляпкой. Поможешь расчесать?

Я медленно выдохнула.

В тот вечер Зося уснула рано, а ко мне сон все не шел. Когда дюркские часы пробили одиннадцать раз, в животе забурчало от голода: последний раз я ела несколько часов назад. Я тихо вышла из комнаты, спустилась по лестнице, подняла лиловую шляпку – теперь она была вся в грязи, но в остальном день, слава богу, обошелся без жертв.

Потом пробралась в кухню Безье, отложила шляпку в сторону, открыла буфет с жалкими остатками съестного и стала искать, чем бы поживиться. В хлебнице валялась заплесне-

веляя корочка, и только я к ней потянулась, как дверь скрипнула. Я замерла. В такой час все девочки обычно спали. Я схватила стакан с деревянными ложками, вскинула его, точно оружие, и обернулась.

На пороге стоял юноша.

– Как-то поздновато для визитов, если честно.

Он смерил взглядом помятую шляпку, потом меня. Я узнала в нем того самого швейцара, с которым говорила днем. Только он был без шляпы, прикрывавшей раньше его черные волосы до плеч. Он убрал темную прядь за ухо, и у меня перехватило дыхание. Вместо одного из пальцев у него был начищенный до блеска, тщательно выточенный кусочек дерева.

Сгибался он совсем как настоящий.

Опасность. Это слово пронеслось у меня в голове. Я подняла стакан с ложками еще выше. Юноша выгнул бровь. Я завела руку назад.

– Что надо? – спросила я.

– Я не за тобой пришел, если только ты, конечно, не прятала днем эту шляпку под юбкой. – Он коснулся лиловой ленты. – Я ищу хозяйку этой... вещицы. Юную леди, подписавшую контракт.

То есть Зосю.

– Ее здесь нет.

Мой ответ швейцара не убедил, и он переступил порог. Нет, это уже слишком близко! Я швырнула стакан с ложками

ему в голову, но промахнулась, и он попал в стену. Деревянные приборы посыпались ему на плечи.

– Отличный бросок. – Он достал ложку из-за ворота. – Я, конечно, люблю поиграть в игры, но сейчас мне некогда. Я пришел за хозяйкой шляпки, чтобы сопроводить ее в отель.

– Кто ты такой?

– Меня зовут Кор. Где она?

Этот самый Кор не вызывал и капли доверия.

– Никуда она с тобой не пойдет.

– Так значит, она все же здесь.

Я едва не ругнулась вслух.

Кор развернулся к выходу. Нужно было его остановить. Я схватила с разделочного столика большой заточенный нож, кинулась к двери и закрыла ее собой. Схватила одной рукой за дверную раму, а второй приставила нож к животу Кора.

– Ну что, по-прежнему считаешь меня глупой девчонкой?

– А как же.

– Хм... Ну, это... если сделаешь еще хоть шаг, пожалеешь!

– Даже не сомневаюсь. – Он щелкнул своим деревянным пальцем, и из него выскочило лезвие. Лезвие ножа.

Кор кинулся на меня и прижал к двери. Теперь его лицо было всего в нескольких дюймах от моего. Кухонный нож выпал из моих пальцев. Я чувствовала кожей его дыхание. Если нас с ним сейчас застанут, наверняка ошибутся с вы-

водами.

Я покраснела от этой мысли и попыталась вырваться из его рук, но он держал крепче некуда. Лезвие зависло у самой моей шеи, а Кор, наклонившись вперед, вдохнул и поморщился.

– В Дюрке что, мыла нет?

Я в ответ зарычала и плюнула ему в лицо. Он вытер подбородок о плечо. Городские часы пробили половину двенадцатого.

– А не пошел бы ты отсюда, а?

Кор ругнулся и поднес лезвие еще ближе.

– Тебе нечего бояться.

– Что-то сомневаюсь.

– Слушай. Мне нужно к полуночи провести твою подругу в вестибюль. Она подписала контракт. Смирись с этим.

В его взгляде читалось отчаяние – я так привыкла видеть его в собственном отражении, что сразу узнала это чувство. По опыту знала, что отчаянные всегда принимают худшие решения.

– Тут полно комнат. Ты не успеешь ее найти. Дай и мне работу, и тогда я отведу тебя напрямиком к хозяйке той шляпки.

Кор пнул кухонный нож, и тот отлетел в сторону. Потом он шагнул еще ближе ко мне – мои плечи вжались в стену.

– Ты не понимаешь. Уже почти полночь.

Последнее слово – *полночь* – он произнес с благоговени-

ем, ведь именно в этот час отель отправлялся в путь.

– Тебе нечего бояться, – повторил он.

Я готова была поверить в то, что он *не горит желанием* причинять мне боль, но по взгляду понимала: если придется, то он готов на это.

– Тебя накажут, если ты вернешься без нее? – спросила я. Должна же быть причина, по которой он идет на такие риски и хочет разыскать Зосю во что бы то ни стало.

– Никто меня не накажет. Но как-то жестоко лишать девочку работы, тебе не кажется?

Невероятно.

– Ты же сам мне советовал держаться от отеля подальше, какая тебе разница, сможет ли там работать моя сестра?

– Сестра? – переспросил он. – Ее судьба меня не волнует.

– Тогда дай работу и мне.

– Нет.

– Ну, значит, оставь нас в покое.

Кор недовольно зарычал.

– Хватит уже. Я должен ее найти, так что тебе придется уйти в сторонку. – Одной рукой он обвил меня за спину, второй – схватил за шею, так крепко, что мамино ожерелье, которое он подцепил большим пальцем, едва не порвалось.

Я вцепилась в него ногтями. Пальцы нащупали у ключицы что-то твердое. Меня отдернуло в сторону, и я схватилась за запястье.

Из-под его пиджака показалась тонкая цепочка, на кото-

рой висел ключ. Никогда прежде я не прикасалась к магии, но другого объяснения тому, что я теперь ощутила, попросту не было. Вот только, если верить слухам, магия течет в жилах сюминаров, а не таится в посторонних предметах. Наверное, он как-то заколдовал ключ!

– Ты сюминар, да? – спросила я.

Кор зловеще улыбнулся, и душа моя ушла в пятки. Он спрятал ключ под рубашку, не сводя глаз с моего запястья, которое я по-прежнему поглаживала другой рукой.

– Дай мне работу, – снова попросила я. К счастью, слова мои прозвучали храбро, хотя мне было очень страшно.

Его лицо приняло странное выражение – будто он всерьез задумался о моей просьбе.

– Ты всегда такая невыносимо упрямая?

– В твоём случае – да. – Ощувив прилив смелости, я ослабилась. – Так что, берешь меня на работу?

– Все не так просто. У меня при себе нет чернил, а никто не может попасть в отель, не подписав контракта или не получив приглашения.

Я округлила глаза.

– А если я попаду внутрь?

– Это как же, интересно?

– Достану приглашение.

Кор отпустил меня.

– Если ты его раздобудешь, я съем эту жалкую пародию на шляпу.

– Готовь вилку и дай мне пять минут.

– Одну.

Я помчалась на третий этаж, в гостиную Безье, сорвала приглашение в рамке, висевшее над камином, разбила стекло и выхватила бумагу. Торопливо спустилась по лестнице, запыхавшись, влетела на кухню и помахала своей добычей перед лицом Кора.

– Вот, этого хватит?

Он взял у меня из рук бумагу.

– Это сколько же ему лет?

– Этого хватит?

– На моей памяти никто с такими древними приглашениями в отель еще не попадал. – Он вернул мне лист. – А теперь веди меня к сестре. Мы десять минут назад должны были выйти.

Кровь стучала у меня в ушах.

– Ты дашь мне работу?

– Не то чтобы у меня был выбор.

А он вообще-то был. Вот только Кор почему-то не желал уходить без Зоси. Он задержал взгляд на приглашении.

– Если мы сможем пробраться внутрь и эта штука тебя пропустит, я возьму тебя на испытательный срок.

– Что это значит?

– Будешь бесплатно работать две недели – ровно столько же у нас проводят гости. Докажешь, что чего-то стоишь – останешься с нами.

– И буду получать десять дублонов в неделю?

– Пять.

Меньше, чем Зося. Но больше, чем сейчас.

– То есть моя судьба будет зависеть от тебя?

– Дай угадаю, тебя такой расклад не устраивает?

– Неправда, – процедила я, хотя от мысли об этом у меня челюсть свело. – А если что-то пойдет не так?

– Тебя вышвырнут с работы. – То есть вернут сюда. Без денег и Зоси. – Предложение *крайне* щедрое.

– Даже не сомневаюсь. – Три года назад я пришла на дубильню Фреллак в поисках работы. Из-за возраста меня тоже взяли на испытательный срок, а потом устроили как полагается. Кор теперь предлагал мне точно такую же схему. Я справлюсь. Я подняла глаза. – Можно ли тебе доверять? – А вдруг он меня обманывает?

– Конечно, я очень надежный.

– И я должна поверить тебе на слово?

– А это уже твое личное дело.

Как жаль, что рядом нет маман. Вот уж кто придумал бы, что делать.

– Поклянись мамой, что не обманешь, – быстро попросила я.

Кор тут же помрачнел.

– Матери я даже не помню.

– Ой... прости, – смущенно сказала я, а сердце у меня екнуло. Я подумала об отце, которого тоже толком не помнила.

Мой взгляд упал на ключ на шее Кора. – Тогда поклянись своей магией.

– Идет. Клянусь своей магией, что дам тебе работу. А теперь надо бежать, если хотим успеть.

По рукам. Мне представилось, как мы с Зосей выйдем из отеля и наконец вернемся домой, в Алиньи. От радости я даже рассмеялась, и Кор с недоумением поглядел на меня, а потом зажал мне рот рукой. Я посмотрела на лестницу и задумалась. Если придется бежать, Зося за нами не угонится.

– Понесешь ее на руках, – велела я Кору и поспешила по ступенькам. Он ринулся за мной. Спустя несколько мгновений уже закинул Зося себе на плечо, точно мешок брюквы. Зося испуганно открыла глаза и сперва попыталась вырваться, но я быстро изложила ей наш план.

– Это еще кто? – одними губами спросила она и игриво вскинула брови.

Боже.

– А ну прекрати! – Я щелкнула ее по носу.

Кор поглядел на нас.

– В чем дело? – спросила я.

– И впрямь ведь не отпустила бы ее со мной, – удивленно заключил он.

– Как ты верно подметил, я невыносимо упрямая!

Его губы дрогнули – казалось, он прячет улыбку.

– Не потеряй приглашение, пока мы в отель не попали, – напомнил он и поспешил по коридору.

Зосин мешок, наполненный вещами маман, оставшимися с тех времен, когда она преподавала музыку, по-прежнему лежал на полу. Как и жемчужные серьги.

И тут до меня наконец дошло: Зося будет петь перед настоящими зрителями, как всегда и мечтала! Все эти годы, когда мы едва сводили концы с концами, были не зря!

За несколько месяцев мы скопим сумму, которой нам хватит на много лет жизни в Алиньи. Но сперва можно будет попутешествовать вместе с отелем, повидать мир. Звучит так волшебно, что и поверить сложно!

– А побыстрее можно? – окликнул меня Кор.

В доме слышались шаги. Мы разбудили кого-то из девочек.

Я схватила мешок Зоси, заселенный паучками, и поспешила за швейцаром, несущим мою сестру.

Маман как-то сказала мне, что истинный дар всегда отыщет способ проявиться. В год, когда мне исполнилось одиннадцать, я наконец поняла смысл этих слов.

В начале осени в Алиньи всегда проводили *Fête de la Moisson* – праздник урожая. Взрослые попивали под звездным небом малиновое вино и обменивались фруктами и овощами, уродившимися в их огородах, а маман и ее ученики выступали, чтобы собрать пожертвования для музыкальной

школы.

В тот год Зося упрашивала маму разрешить ей спеть на празднике. «Рановато тебе пока, *ma petite pêche*³, – ответила маман. – Ты еще слишком мала». Мне же казалось, что моя сестренка до того талантлива, что сможет немного подзаработать, к тому же мы с ней хотели купить баночку карамелек, увиденных в витрине одного магазина. Конфетки были прелестные – завернутые в золотистую фольгу, и в каждой из них можно было найти маленький вкладыш со сказкой. Я твердо решила, что мы их раздобудем. Вплела ленты Зосе в волосы, стащила из дома ящик с яблоками, и после заката мы пошли на окраину города, где и проходило торжество.

Все стояли за искусно разукрашенными прилавками, освещенными фонариками, на которых были вырезаны сказочные сюжеты. Я так застеснялась нашего старого, уродливого ящика с яблоками, что едва не повернула назад, но Зося уходить наотрез отказалась, да и мне обидно было бы уйти ни с чем – зря я, что ли, столько заноз в пальцы засадила, пока шла сюда.

Стараясь не попадаться маман на глаза, мы пробрались в самый конец прилавков, где раскладывали свой урожай те, кто пришел позже всех. Я узнала мадам Дюран – та выкладывала баклажаны из собственного сада и вскинула свой покрасневший нос, когда я стала расчищать нам местечко, разгребая ногой камешки. Я поставила перед нами табличку

---

³ «Мой маленький персик» (фр.) – Прим. пер.

с просьбой пожертвовать денег, которую нарисовала сама, а рядом – пустую банку из-под муки.

Старуха Дюран усмехнулась, и мне стало очень обидно. Но Зося и внимания на нее не обратила. Она тут же выпрямилась и начала петь – да так красиво, что все вокруг позабыли про свои дела.

Я до того привыкла к голосу Зоси, что ее песни звучали для меня обыденно, словно какой-нибудь храп, но реакция окружающих была совсем другой. Вокруг нас собралась толпа! «Ну что за соловушка! Ангел! Прелестная малютка!» – говорили они. А потом появилась маман. Завидев нас, она прикрыла рот рукой.

«Ну все, – подумала я, – сейчас нас домой за уши потащат». Но тут мама отняла руку от губ и улыбнулась. В ее глазах искрились слезы, и я рассмеялась – сперва от облегчения, а потом от звона дублонов, посыпавшихся в нашу банку из-под муки. А все благодаря моей сестренке.

Я часто гадала, а помнит ли Зося тот день, стал ли он для нее таким же важным, как для меня. И вот спустя годы на кону оказался куда более ценный приз, чем банка из-под муки, полная монет.

Свет луны окрашивал отель «Манифик» серебром. Кор распахнул черную лакированную дверь. Крепко сжимая в руках приглашение, я шагнула вперед. Свет вдруг показался мне нестерпимо ярким и резким. Я осторожно сунула руку в дверной проем. Никакой тебе незримой стены.

– Добро пожаловать, путник! – прозвучал в ушах женский, до боли энергичный голос.

– Это еще кто?

Кор мрачно уставился на меня.

– Может, поторопишься хоть немного? Понимаю, у самой тебя в руках мешок со всяким хламом, а у меня-то – маленький человек с довольно острыми косточками!

Я не двинулась с места, и тогда он толкнул меня. Я, загнувшись, переступила через порог и уже открыла было рот, чтобы возмутиться, но с губ не сорвалось ни звука. От рыбной вони и следа не осталось – в воздухе парили лишь цветочные ароматы и угадывался запах апельсинов. А уж какой вид открывался перед глазами...

Нет, этот отель никак не мог уместиться в старом проулке, даже будь тот в пятьдесят раз шире.

Это был настоящий дворец.

В дальнем углу виднелась огромная, петляющая лестница. С потолка, точно гигантские гроздья светящегося винограда, свисали полукруглые канделябры со свечами. Сам потолок с золотой окантовкой был филигранно расписан цветочными узорами. На обоях тоже были черные цветы. Их лепестки колыхались, точно на ветру.

Невозможно было поверить своим глазам.

По всему периметру были расставлены ширмы из цветного стекла, за которыми оборудовали уютные местечки для отдыхающих – с диванчиками и розовыми подушками с ба-

хромой. За одной из ширм даже стоял набор шахматных фигурок в человеческий рост. Особенно реалистичными в нем были королевы в струящихся нарядах.

В альковах дальней стены стояли мягкие банкетки. Мой взгляд зацепили три огромных откидных кресла в форме полумесяца недалеко от двери. Они мерцали, покачиваясь в воздухе.

Рядом с ними выстроилась вереница тележек для багажа – она тянулась до самой стойки консьержа, тоже большой и роскошной. У стойки никого не было, но на ней стоял многоярусный торт, усыпанный розовыми лепестками, и башенка из бокалов для шампанского – такая высокая, что того и гляди обрушится.

У меня перехватило дыхание, когда в верхнем бокале забурлило шампанское, а следом оно полилось и во все остальные, и вот уже все бокалы наполнились.

Но сильнее всего в этом зале потрясала гигантская стеклянная колонна до самого потолка, внутри которой было что-то вроде сада.

Сквозь белые плети какого-то ползучего растения, обвившего колонну там, где она упиралась в балкон второго этажа, пробивался лунный свет. Где-то высоко большая птица взлетела на ветку, уже усеянную другими птицами: прямо посреди отеля проходил огромный авиарий⁴!

---

⁴ Просторный вольер для птиц, в котором они, в отличие от клетки, могут свободно летать. В авиариях часто можно встретить растения и кустарники – они

На бульваре Мариньи было несколько магазинов, витрины которых украшали экзотические птицы в клетках. Зося всегда смеялась, наблюдая, как они ерошат свои яркие перышки. Плотное стекло авиария не давало получше рассмотреть его обитателей из фойе. Но наверняка птицы Дюрка им и в подметки не годились.

Хлопнула входная дверь. Я обернулась и задела рукавом ветку апельсинового дерева, растущего прямо из пола. Его извилистые корни оказались до того мощными, что поломали мраморную плиту. На ветвях висели блестящие, точно вошпеченные, листья и апельсины – на вид удивительно гладкие. Не совладав с любопытством, я притронулась к одному. Плод покачнулся.

– Не трогай, – сказал Кор. Он опустил Зою, потом взглянул на мою шею, на приглашение Безье, и на его лице проступила гримаса ужаса.

– Что такое?

– Ты старишься.

Я подняла руку и не поверила своим глазам. Кожа у меня сморщилась и обвисла. Под ней просвечивали костяшки. Я провела пальцами по ключицам и вздрогнула – кожа, еще недавно такая упругая, обвисла и здесь. На запястьях проступили коричневые пигментные пятнышки, какие бывают у стариков. А следом они почернели и начали гнить, источая зловоние и какую-то мерзкую жижу. Когда из-под кожи вы-

лезла упитанная личинка, к моему горлу подкатила тошнота.

Я не старилась. Я разлагалась, точно гнилая рыба под летним солнцем.

– Жани, что с тобой? – Зося бросилась ко мне.

– Стой! – слабым голосом крикнула я. Обвисшая кожа задрожала. Еще несколько минут – и я буду трупом.

Не успела я и глазом моргнуть, как Кор бросился куда-то в другой конец фойе. В боку вспыхнула боль. Я покачнулась и врезалась в апельсиновое дерево. Один из плодов оторвался от ветки, упал на пол и разлетелся на осколки. Несмотря на свое состояние, я нахмурилась. Обычно фрукты так не разбиваются.

Еще одна вспышка боли – и я упала на колени. Через секунду вернулся Кор с бумагой в руках. Он принес контракт.

– Сделай что-нибудь, – простонала я.

Зося жалобно захныкала.

Кор положил контракт передо мной и поставил рядом большой пузырек алых чернил. Ловко взмахнул ножом, проколол мне палец, выжал немного крови в чернила, а в это время с площади послышался бой часов, возвещавших жителям города, что наступила полночь.

К восьмому удару я наконец дописала свое полное имя. Перед десятым Кор, пролистав у самого входа какую-то толстую книгу, достал свой ключ и вонзил его в дверной замок. Потом прижался к лакированной двери лбом и замер – только стройные, мускулистые плечи поднимались и опадали, по-

ка звучал одиннадцатый удар.

На свои руки я не смотрела. Страшно было увидеть, что от них осталось. Просто сидела как зачарованная и ждала, пока часы пробьют в двенадцатый раз. Но так и не дождалась.

Парень опустил на корточки, не сводя с меня глаз. Я успела уловить на его губах тень улыбки, прежде чем голова опустилась на скрещенные руки.

– Добро пожаловать обратно.

– Вот-вот! – подхватила Зося.

Я коснулась своей шеи, а потом щек. Коже вернулась бы-лая упругость.

– Когда в следующий раз какой-нибудь дурачок попытается проникнуть сюда по старому приглашению, напомните мне, что это плохая затея, – попросил Кор, но я нисколько на него не обиделась: слишком уж рада была, что все закончилось.

– Уже полночь! – воскликнула Зося и, подскочив, бросилась к ближайшему окну, чтобы разглядеть хоть что-то сквозь плотно задернутые шторы.

– Мы ведь уже не в том проулке Дюрка, правда? – спросила я у Кора.

Он нахмурился.

– Мы в проулке, – загадочно ответил он, поднялся и шагнул ко мне, но, наступив на один из осколков апельсина, остановился. – Ты разбила апельсин? Сдается мне, ты не очень-то хорошо умеешь выполнять инструкции.

Я метнула в него раздраженный взгляд, но Кор уже заметал ногой в уголок осколки плода, пряча улики моего преступления от чужих глаз. Затем смерил меня взглядом – никто еще не смотрел на меня так пристально, а уж тем более мужчина. По коже побежали мурашки. Кор наклонился ко мне, но так и не коснулся, а схватил подписанный контракт и ругнулся.

– С ним что-то не так? – спросила я.

– Не совсем, – ответил он и спрятал бумагу в карман.

– Как это понимать?

Мы оба подскочили, заслышав стук каблуков по мраморному полу.

– Сейчас некогда объяснять. Найду тебя завтра перед инструктажем.

– А когда он?

Кор поднес палец к губам, и в эту секунду из задней комнаты появилась Ирса. В руках она несла чашку с чаем на блюдце.

– А, Кор! Рада, что ты вернулся, дорогуша. Ужасно за тебя переживала!

– Мы оба знаем, что это ложь, – сказал Кор, не сводя глаз с ее чашки.

– Из-за тебя пришлось пораньше отправить гостей спать. Вот уж сюрприз! Проблем с тобой не оберешься.

– Между прочим, я привел твою наемницу! – Кор повернулся было к Зосе, но первой на глаза Ирсе попала я.

– А она тут что забыла?

– У меня есть разрешение на выдачу контрактов в исключительных случаях. Ее сестра отказалась идти одна, – пояснил Кор, немного лукавив, впрочем, опровергать его слова я не собиралась. – Не волнуйся. Я возьму ее под свою ответственность. Да и потом, разве обслуге лишняя пара рук помешает?

– Хочешь взять ее под крыло? – переспросила Ирса удивленным и слегка насмешливым тоном. Что ж, прекрасно. Пускай остается, но, если выкинет какую-нибудь несусветную глупость, не надо ко мне бежать.

– Не выкинет, – ответил Кор и посмотрел мне в глаза. Это было предупреждение.

Я подумала о двухнедельном испытательном сроке, и внутри у меня все сжалось. Удача завела меня сюда. А вовсе не заслуги.

Перед глазами пронеслись лица работников, отобранных из лучших семей. К завтрашнему вечеру они уже опознают во мне самозванку.

«А ну хватит! Ты справишься!» – сказала я себе. Никому не позволю отправить меня обратно, даже Кору! А он уже поди прикидывает, в чем и сколько раз я облажаюсь.

Зося остановилась за полфута от меня, нагнулась, подняла кусочек апельсина, который не заметил Кор, и вскрикнула. Острый осколок вонзился ей в руку. Кровь заструилась по предплечью.

Ирса поставила чашку и вытащила из кармана маленький пузырек с какой-то золотистой пастой. Сняла крышечку, достала совсем немного пасты, затем ловким движением извлекла осколок и намазала рану моей сестренки золотистым средством.

Зося вытерла руку о юбку и поднесла к глазам.

– Все зажило!

Я рассмотрела ладонь. Рана закрылась. Даже шрама не осталось.

Ирса взмахнула апельсиновым осколком перед носом у Кора.

– Это ты разбил чудесный апельсин? – Я впервые в жизни слышала о *чудесных* апельсинах, но, судя по лицу Ирсы, они имели большую значимость!

Кор пожал плечами.

– Задел локтем, пока нес девчущку. – «Только молчи», – прочла я в его взгляде.

– Простите, мадам, это он из-за меня апельсин разбил! – вставила Зося, тоже решив поучаствовать в спектакле ради спасения моей душеньки. Если бы не строгий взор Ирсы, я бы накинулась на нее с объятиями.

– Да ничего страшного. Иногда такое бывает, – успокоил ее Кор и повернулся к Ирсе. – Проводишь их вниз? А то меня там кое-кто ждет, сама знаешь. – Он ткнул в меня пальцем. – А если вот эта начнет в тебя чем-нибудь кидаться, не волнуйся – с меткостью у нее неважно.

С этими словами он удалился, а мне осталось только проводить его взглядом.

– Повезло же связаться с Кором. Этому мальчонке плевать на всех, кроме себя любимого. – Ирса взяла свою чашку. – За мной.

Мы обогнули авиарий. Стеклянная колонна поднималась среди балкончиков, залитых светом свечей, так высоко, что конца ей не было видно. По пути нам встречались все новые и новые апельсиновые деревья, растущие прямо из мрамора. Мой слух улавливал тревожную музыку, но музыкантов не было видно.

– Это все волшебство! – прошептала Зося.

Я кивнула, едва дыша от волнения. С каждым шагом мрачные кадры моей жизни в Дюрке все сильнее отдалялись.

Когда Ирса повела нас вниз по лестнице, в подсобку, залитую светом свечей в тонких подсвечниках, мы и глазом не моргнули. Лиловатые огоньки тянулись к потолку и окрашивали коридор в сказочно-розовый цвет. Они льнули к нам, пока мы шли мимо. Стоило одному из них потянуться к моим волосам, и Зося тут же попыталась его затушить.

– Они безвредны, просто всегда интересуются новой прислугой. Скоро успокоятся, – сказала Ирса. – Ну вот мы и на месте.

Неспешно, точно сама собой, отворилась дверь. За ней оказалась маленькая, но безупречная комнатка – мы точно попали в кукольный домик. Тут не было ни единой поломан-

ной или облезшей вещи, все казалось новым. Даже страшно было хоть к чему-то прикоснуться своими натруженными, мозолистыми пальцами.

Зоя поспешила внутрь и плюхнулась на кровать с подушками. Одна из них подскочила и зависла в воздухе в дюйме над покрывалом, точно внутри у нее и впрямь было облачко. Обитательницы Дома Безье встретили бы такую диковинку шумным восторгом, но их тут не было. А мы были.

Ирса повернулась к выходу.

– Погодите, – окликнула я ее, и Ирса остановилась. – А мы правда уже в Дальней-Дали? – Я догадывалась, что она мне ответит, и все же хотела услышать это своими ушами, хотела, чтобы она подтвердила, что магия унесла меня далеко от Дюрка, на шаг приблизив к дому.

Ирса крепче сжала чашку. Та была полна молока, которое чудесным образом кружилось, точно маленький водоворот.

– Добро пожаловать в отель «Манифик», – с улыбкой произнесла Ирса и исчезла в розовом коридоре.

В ту ночь мне снилась не магия, а простые радости Алины: как мы лазали по деревенской ограде, как несли в корзинке свежий хлеб, как мама листала сборники нот на нашем кухонном столе, растрескавшемся от солнца.

Эти сны забились в дальние уголки моего сознания, не желая его покидать, когда наутро я проснулась от Зосинового дыхания, щекочущего мне ухо.

– Выглядишь как взъерошенный тролль! – объявила она.

– Отвяжись, гоблин!

– Ведьма в туфельках феи!

– Понятия не имею, о чем ты толкуешь. – Я покосилась на сестру и увидела, что она весело смеется. Медленно села. Вместо старого платья на Зосе была белая блузка, заправленная в черную, тщательно отутюженную юбку. – Где ты это взяла?

– В шкафу нашла. Как на меня сшито! Представляешь? – Она хлопнула в ладоши и поглядела в потолок. – Спасибо, достославная богиня отеля!

– И как такое вообще возможно? – спросила я. Шкаф с виду был самый что ни на есть обыкновенный. Мешок с вещами Зоси лежал на полу. Удивительно, что она еще не украсила комнату мамиными безделушками. Над мешком висело черное платье горничной. Судя по длине, предназначалось оно вовсе не Зосе.

Я буду работать горничной.

Мне представилось, как хорошенькая Зося выступает перед гостями под шквал аплодисментов, а я прячусь по углам со шваброй в руках. «Зато мы вместе», – напомнила я себе, чтобы загасить волну зависти, накрывшую меня с головой.

Платье было сшито добротно, и на том спасибо. Я пробежала пальцами по белому кружевному воротничку – такому мягкому, что аж дух захватывало! Мне даже сделалось стыдно: а вдруг я недостойна к нему прикоснуться?

– У тебя такой вид, точно тебе бриллиантовую корону по-

жаловали, – со смехом подметила Зося, подняв на меня глаза. – Уж не знаю, кто это все устроил, но от души ему благодарна! – призналась она и стянула с тарелки, стоявшей на туалетном столике, кусочек яблочного пирога.

– Только не говори, что богиня и пирог нам принесла.

– Он сам собой появился. Попробуй. Пахнет просто сказочно!

– А какой запах у сказки?

– Вот заодно и узнаешь! Вкус, кстати, под стать аромату! – Зося откусила кусочек и простонала от удовольствия: – Попробуй!

Я нетерпеливо схватила кусок, откусила один раз, потом другой, и сама не заметила, как от него остались одни только масляные крошки, которые я принялась слизывать с пальцев. Зося усмехнулась, а я, не обратив на нее внимания, принялась отряхивать свое старое платье. Ткань хрустела под пальцами, точно засохшая вафля.

Сестра кивнула на узкую дверь по соседству.

– Умыться можно вон там. И переоденься, пожалуйста. А то у тебя-то наряд вовсе *не сказочный*, не подходи в таком к моему пирогу!

Справедливое замечание. Я чуть не расплакалась, когда увидела фарфоровую ванную с мылом пастельных цветов. Оттерев кожу докрасна, я переоделась в черное платье и покружилась на месте – до того нарядной я себя в нем ощутила. Спрятав мамино золотое ожерелье под высоким кружевным

воротом, я вышла из ванной.

Зося присвистнула.

– Кто бы мог подумать, что под твоими мешковатыми лохмотьями прячется такая фигурка!

– А ну тихо!

Она фыркнула.

Когда под дверь нам подсунули плотную карточку цвета слоновой кости, мы обе обернулись. На передней ее стороне золотыми буквами было отпечатано:

*Инструктаж для персонала
начнется в полдень в Синем зале.*

В памяти пронеслись события вчерашнего вечера. Кор обещал разыскать меня до инструктажа и объяснить, почему он так странно себя повел, увидев мой контракт. Над кроватью висели часы. Уже давно пробило десять.

Кор мог и забыть про свое обещание. Но, зная его, проще было предположить, что он поставил на мне крест, решив, что мне уже ничем не помочь. От мысли, что с моим контрактом что-то не так, мне стало не по себе. Долго дожидаться ответов не хотелось. Поэтому я натянула на ноги новые башмаки, найденные у шкафа, – удивительно, но и они пришились точно впору.

Зося удивленно поглядела на меня.

– Куда это ты?

– Пойду прогуляюсь. – Я щелкнула ее по носу. – Надо Кора найти.

– Можно с тобой?

– Сегодня твой первый рабочий день. Вдруг ты из-за меня опоздаешь? Лучше отдохни пока. – Да и потом, я сомневалась, что Кор хоть что-нибудь мне расскажет в присутствии маленькой сплетницы, что хвостиком ходит за мной. – Я вернусь совсем скоро.

– Жани, погоди...

Но я одним строгим взглядом прервала все ее возражения. Зося со стоном повалилась на кровать. Подушки полетели вниз и замерли в паре дюймов от пола. Меня так и подмывало заглянуть внутрь одной из них. «Потом», – сказала я себе и взялась за ручку двери.

– Только на свечи не смотри, – пробурчала Зося.

Я вернулась к Зосе и заправила непослушный локон ей за ухо.

– Тебе нечего бояться. Мы же с тобой в том единственном месте, где магия безопасна, в конце-то концов.

Я вышла из нашей комнаты и по служебной лестнице поднялась наверх в надежде, что выйду в фойе отеля. Но спустя пять минут подъема лестница неожиданно сменила направление и повела меня вниз.

В итоге я оказалась на втором этаже, в коридоре, залитом светом свечей и увешанном блестящими зонтиками, *из-под которых лил дождь*.

Я сунула руку под один из зонтов, и моей щеки коснулся порыв влажного ветра. Идя по коридору, я быстро притрагивалась к дождям, льющимся под зонтами. Тут были и тропические ливни, и беспощадные бури. От аквамаринового зонтика исходил аромат летних гроз из моего детства.

А от темно-синего зонта по соседству веяло морским бризом. Я коснулась одной из воощеных спиц и тут же пожалела об этом. Чувство было такое, будто меня качает на волнах разъяренного океана. Все внутри сжалось. К горлу подкатила тошнота.

Меня схватила чья-то рука и резко дернула обратно.

Я обернулась и увидела миниатюрную горничную со светлой кожей, румяными щечками, белокурыми локонами и заостренным подбородком. На вид она была моей ровесницей. Платья на нас были одинаковые, только у нее на плече была приколотая стальная бабочка.

– Не надо трогать зонтики, – строгим тоном сказала она.

Я вытерла взмокший лоб.

– *Это я уже и сама поняла.*

Следом за девушкой подошли еще пять горничных с идеальными прическами. Я сделала глубокий вдох через нос, моля небеса о том, чтобы меня не стошнило прямо на их начищенные до блеска рабочие башмаки. К счастью, тошнота

поулеглась.

– Занятные зонтики, правда? Они только вчера появились.

– Правда?

– Коридоры постоянно меняются, – пояснила горничная и внимательно всмотрелась в мое лицо. – А ты, должно быть, Жани. Уборщица, которую я жду.

Я сощурилась.

– А ты кто?

– Беатрис, – ответила она. – Главная экономка и твоя новая начальница.

В свои юные годы она на начальницу ни капельки не походила. Мне вспомнились слова Кора про испытательный срок. Если это и впрямь моя начальница, трогать зонтики у нее на глазах точно было сомнительным решением.

Уж не знаю, что за выражение проступило тогда на моем лице, но, должно быть, окружающих оно позабавило – недаром остальные горничные начали хихикать. *Прекрасно.*

– Кор рассказал мне, что принял тебя на работу и определил ко мне. – Беатрис смерила меня взглядом. – Должно быть, тебе не говорили, что персоналу запрещено покидать пределы фойе без сопровождения до завершения инструктажа.

Еще одно правило, которое я уже успела нарушить.

Я вскинула руки.

– Клянусь, я этого не знала.

Остальные горничные принялись перешептываться, то и дело косясь на меня. Страшно захотелось сбежать куда-нибудь подальше.

– Все живо марш в прачечную, – прогнала их Беатрис, а потом схватила меня за локоть. – А ты стой. Дорогу в служебный зал я тебе сама покажу.

– Подожди. Подскажи сперва, где мне найти Кора? Он вчера сказал, что хочет перед инструктажем со мной поговорить.

– О чем?

– Ну... точно не знаю, – быстро ответила я, не понимая, стоит ли упоминать про контракт.

Беатрис смерила меня взглядом.

– Кор, скорее всего, в салоне. Я покажу, где это. За мной. – И мы пошли вниз по лестнице. Не успела я и глазом моргнуть, как мы оказались среди зала, полного гостей.

В жизни не видела такой пестрой толпы. У нас с Зосей, как у многих жителей верданньерского юга, были темные волосы и оливковая кожа, а постояльцы отеля «Манифик» являли собой палитру самых разных оттенков кожи и телосложений. Все были разодеты в яркие костюмы, на всех сверкали украшения, точно каждый намеревался к обеду уже победить в местном конкурсе красоты.

Я поспешила следом за Беатрис и нечаянно влетела в гостя с желтовато-коричневой кожей и большими зелеными глазами.

– Простите, пожалуйста, – прошептала я.

Тот хмыкнул, развернул большой розовый веер из крашенных павлиньих перьев, взял под руку бледнокожего господина с мелкими кудряшками, рассыпавшимися по эполетам. Они оба отпили шампанского из серебристых трубочек.

– Смотри, куда идешь. – Беатрис схватила меня за руку. – Если расстроишь кого-нибудь из гостей и метрдотель узнает об этом... – Она поджала губы, и я невольно напряглась.

– Ну что за роскошное утро! – воскликнула величавая пожилая дама. Если у Кора кожа была медной, то у нее – на тон темнее. Одетая она была в пляжную тунику и шляпу, украшенную яркими цветами.

Всем в Дюрке было прекрасно известно, что приглашения действительны две недели, иными словами, что во время путешествия климат изменится четырнадцать раз.

– Если отель перемещается каждую ночь, откуда им знать, как одеваться? – спросила я. На их месте я бы растерялась, не понимая, что брать с собой.

– По всему отелю стоят погодные шкафы, но большинство гостей предпочитают путеводители. Информация в них появляется сразу же, как метрдотель решит, куда мы отправимся дальше. Иногда – накануне прибытия, иногда – всего за несколько минут до него. – Беатрис едва заметно улыбнулась. – Забавно наблюдать, как гости тогда суетятся.

Она достала практически пустой лист бумаги, наверху ко-

торого темнела надпись – *Itinéraire de l’Hôtel Magnifique*⁵, а рядом алел след от губ – словно какая-то дама решила промокнуть этим листком помаду.

– Время от времени вылавливаю их из мусорок, – пояснила Беатрис. – Оставь у себя. Чтобы знать, чего ждать. – Она кивнула в сторону.

У самого входа возвышались двадцать окон, и у каждого стояло по яркому апельсиновому дереву. За ними виднелся пляж с белым песком, но сами окна изумили меня куда сильнее.

– Ничего себе...

– Говорят, окна общаются друг с другом и сообща решают, под каким углом лучше показывать Дальнюю-Даль, после чего изображение воспроизводится по всему первому этажу.

И правда: каждое окошко скорее не выглядывало наружу, а отображало один и тот же вид на пляж. Я так и застыла от удивления, когда из отеля вышла женщина в струящемся алом платье, а потом появилась сразу во всех двадцати окнах.

Беатрис улыбнулась.

– Впечатляет, правда?

За спиной у нее виднелась табличка, обвитая позолоченными лозами. На мгновение мне показалось, что из-за золотой листвы выглядывает женское лицо. Но сама табличка

---

⁵ «Маршрут отеля “Манифик”» (фр.) – Прим. пер.

– в сравнении с окнами – оказалась вполне себе обычной. На ней были изображены стрелки, указывающие, где искать уборные, гардеробные: для обычной одежды и дождевиков, Изумительный бальный зал и Изобильный буфет. К табличке подошел служащий в ливрее и повернул влево стрелку, которая указывала на буфет и прежде смотрела вправо.

Беатрис вздохнула.

– Опять буфет сместился? Ну и как тут порядок поддерживать?

– А что, комнаты меняют свое положение случайным образом?

– Ничего случайного тут нет. Комнаты появляются тогда, когда они нужны. Игровые, к примеру, возникают лишь в непогоду, и там каких только игр нет! Некоторые бальные залы возникают, только когда гостям не хватает праздника. Есть и другие помещения, которые являются лишь по требованию. Как-то раз мне встретила комната, от пола до потолка забитая фарфоровыми тарелками! – Беатрис нахмурилась. – Так и не поняла, для чего.

– А я как раз сегодня попала на странную лестницу, которая изменила свое направление.

Беатрис кивнула.

– Да, отель постоянно меняется, чтобы разместить гостей, добавляет новые коридоры, совершенствует планировку. Ты привыкнешь.

Пока я слушала ее рассказ, я наконец поняла, что же у нее

за акцент. В Дюрк часто прибывали паромы с севера, и их состоятельные пассажиры разговаривали точно так же.

– А ты, случаем, не с севера Верданна?

– Не вздумай такое говорить! – оборвала меня Беатрис. – Работнику может быть больно думать о доме, раз он так далеко! Лучше вообще про это не напоминать! Это невежливо!

– Я не подумала... – начала было я, и неожиданно все в фойе затихли. Что-то прошелестело совсем рядом со мной.

– Кажется, метрдотель определился с маршрутом на завтра, – догадалась Беатрис.

Все гости потянулись к карманам и сумочкам и достали тонкие путеводители. И вскоре комнату наполнили восклицания на самых разных языках.

Я тоже достала из кармана яркий листок и пробежала пальцем по блестящим фиолетовым буквам, которых еще не было на бумаге всего пару минут назад. Женский энергичный голос – тот самый, который я слышала у порога, – прочел строки следом за мной.

Маршрут отеля «Манифик»

*Город Торваст,
вершина Гриммульдского нагорья.*

Женщина добавила:

– *Натяните лучшие шляпы и завяжите платки! Ветер – ловкий воршика!* – Пауза. – *Отбываем в полночь!*

– Кто это такая? – спросила я.

– Ты слышала женский голос? – Беатрис округлила глаза. – Никто этого не знает. Странно, что ты его вообще уловила. Он общается только с гостями.

Я провела пальцем по путеводителю, представляя, как там фиолетовыми чернилами проступает название Алиньи. А когда подняла взгляд, Беатрис была уже далеко. Я кинулась следом за ней, мимо высокого авиария. Внутри так тесно переплелись белые лозы, что толком ничего не было видно.

– А где вход?

– Его нет. Вход в авиарий разрешен только метрдотелю и Хелласу, Ботанику. – При упоминании последнего она померчала. По всей видимости, он не слишком ей нравился. – Пойдем. Метрдотель не любит, когда прислуга слоняется без дела.

Пока мы пересекали оставшуюся часть фойе, Беатрис указывала мне на альковы и поясняла, в честь кого из сановников или герцогинь они названы. Эти имена не задерживались в моей памяти – меня до того увлекали виды, что слов я толком и не слышала.

Наконец мы подошли к стеклянным дверям, отделявшим

фойе от тускло освещенного зала.

– Пришли, – сообщила Беатрис.

Потолок в зале был в пару этажей высотой, сверху свисали хрустальные канделябры с разноцветными огоньками. Над сценой, прямо в воздухе, парила женщина: под ногами у нее были блестящие звезды, а пальцами она перебирала струны огромной арфы, услаждая гостей нежными звуками. Над входом цветным стеклом были выложены слова: *salon d'amusements*⁶.

Мне вспомнилось, как я впервые повела Зосю в центр Дюрка. Мы остановились у ресторана, попивая горячий шоколад, и долго хихикали над моими историями про роскошную жизнь богатых гостей, обедавших за стеклом. Но тот ресторан этому салону и в подметки не годился.

– Я знаю, что Кор сюда заходил. Если он еще тут, лучшего места для разговора не найти, – сказала Беатрис.

– А горничным можно внутрь? – уточнила я, не заметив среди гостей никого из obsługi.

– Только до обеда, пока посетителей мало. Повезло тебе, что ты в обслуге работаешь. Кухаркам вот сюда вообще путь заказан. – Она указала на лестницу. – Она ведет напрямиком в служебные залы. Расписание свое узнаешь на инструктаже. – С этими словами она удалилась, бормоча что-то про грязные простыни.

Я осторожно заглянула в салон, но Кора не увидела. За-

---

⁶ «Салон развлечений» (фр.) – Прим. пер.

то заметила Ирсу – та готовила напитки за барной стойкой. Наверняка она знает, где его искать! Не успев передумать, я направилась к ней и опустилась на барный стул.

Бар был заставлен бутылками из коричневого стекла, в которых плескались разноцветные напитки. Среди них я заметила ту самую золотистую пасту, которой Иrsa мазала порез моей сестры. А рядышком, как раз напротив меня, стоял необычный пузырек с серебристым дымом. Я приподняла крышечку, украшенную драгоценным камнем, и крошечное облачко вытекло наружу.

Иrsa тут же нагнулась и закупорила пузырек.

– И минуты в салоне не пробыла, а уже открываешь *это*?

– А что там такое?

– Попробуй капельку.

Я подскочила, разглядев за стеклом пузырька жуткое, исхудавшее лицо с запавшими глазами.

– Это склянка с ночным кошмаром. У каждого уважающего себя алхимика есть такая.

– Так вы алхимик? – спросила я. Я слышала про алхимиков, которые приторговывают средствами от всех болезней на улочках северного Верданна и готовят зелья, которые легко можно принять за волшебные. – Но ведь алхимия – не...

– ... не настоящая магия? – Иrsa подавила смешок. – Так многие думают, особенно учитывая, что почти все алхимические зелья сегодня – пустышка. Сьюмины создали их при помощи своей магии до того давно, что их уже разбавили ты-

саячу раз, если не больше. Но только не здесь. – Ирса скользнула взглядом по мерцающим склянкам. – Почти все эти зелья – наисвежайшие, и приготовила их ваша покорная слуга.

– Вы заточили кошмар в бутылку?

– Да, но рецепт этого зелья был придуман давным-давно, и совсем другим сьюминаром. Время от времени то тут, то там попадаются оригинальные ингредиенты. – Она спрятала пузырек и достала напиток цвета гранатовых камней, залитых лунным светом. Он замерцал в полумраке. – Да не бойся ты, это просто сок.

– Можно ли вам верить?

– Да делай как знаешь. Некогда мне об этом тревожиться. – Она торопливо встала.

– Погодите! Я ищу Кора! – крикнула я, но Ирса уже обслуживала одного из гостей.

Вот черт.

Не желая уходить, я поднесла к губам стакан сока и сделала крошечный глоток. Ресницы тут же затрепетали. На вкус напиток оказался точь-в-точь как тартинки с консервированными абрикосами, которые я прошлым летом покупала у уличного торговца – симпатичного смуглого парня со светло-карими глазами. Он тогда робко мне улыбнулся, а деньги брать отказался. На следующий день я пришла его искать, но его тележки уже и след простыл.

Я вдохнула поглубже – и вдруг почувствовала запах его одеколona и согретой солнцем кожи. Напиток стал еще сла-

ще, а вкус абрикоса разлился по языку. Я и сама не заметила, как осушила стакан, а салон заполнился новыми гостями.

Хорошенькая официантка с янтарной кожей смерила меня взглядом.

– Горничным уже поздно тут находиться.

– Извините. – Я сползла со стула.

Но тут сильная рука уперлась мне в поясницу, не дав уйти.

– Она со мной, – заявил резкий мужской голос.

Официантка застыла как вкопанная. Потом сделала реверанс и быстро удалилась.

Когда Кор опустился на соседний стул и постучал по пустому стакану, меня сковало напряжение.

– Вижу, кому-то сок пришелся по вкусу?

Сегодня он был гладко выбрит, а волосы убрал за уши. Красавчик, невольно признала я. При виде такого все обитательницы Дома Безье тотчас кокетливо надули бы губки.

Я опустила взгляд. На Коре был тот же пиджак, что и накануне, расстегнутый от шеи до ключиц, и под ним виднелась все та же цепочка. Стоило ему заметить мой интерес, и я тут же отодвинулась на самый краешек стула, а под моим тугим кружевным воротом разлился жар. Губы Кора тронула тень улыбки.

– Нечего так улыбаться, – взволнованно прошептала я. Улыбка сделалась только шире, и я нахмурилась. Хватит с меня! – Я видела, с каким лицом ты вчера взял контракт, когда я его подписала! Ты обещал объяснить, в чем дело! Если

с ним что-то не так...

– Не здесь.

– Так, значит, с ним что-то не так. – Мой пульс подскочил. – А в чем проблема?

– Позже покажу, – шепнул он мне на ухо.

– Что покажешь?

– Какая она, твоя сестра? – спросил он, резко сменив тему.

– Ты ведь и сам ее видел.

– Хочу узнать побольше.

Я почувствовала, что должна что-то сказать. И ответила. Во всех подробностях. Кор узнал обо всем – от любимой песни Зоси до ее привычки щипать меня, когда я ночью начинаю дышать ртом и храпеть. Я пыталась прикусывать язык, но слова накапливались во рту, точно слюна, и им не терпелось вырваться наружу. И я их выпускала. Когда я стала сравнивать нашу жизнь в Алиньи с днями в Дюрке, глаза защищало от слез. Я рассказала, как таскала еду из буфета у Безье. Как завидовала тому, что Зося сидит дома, пока я обдираю пальцы до крови в дубильне.

Кор слушал меня внимательно, ни разу не перебив.

– Что, в этот раз обойдется без подколов?

– Мне жаль, что тебе пришлось пройти через такое.

В его голосе звучало неподдельное сочувствие – мне даже сделалось не по себе. Решив сменить тему, я указала на его деревянный палец, в котором таился нож.

– А что случилось с твоим пальцем?

– Отрезали, – коротко ответил он. – Сколько тебе лет?

– Семнадцать. – Я обвела его взглядом. Выглядел он не сильно старше. – А сколько сюминаров живет в отеле?

Кор скрестил руки на груди.

– Не счесть. А откуда твои родители?

– Из Верданна, откуда еще?

Он внимательно всмотрелся в мое лицо. Я тут же залилась краской.

– Если бы твоя сестра не попала в отель, ты бы сюда захотела?

Сперва я думала сказать – нет, если бы не Зося, я бы осталась в Дюрке, копить на возвращение домой. Но эти слова никак не шли с языка.

– Ну же, – поторопил меня Кор.

– Да, – ответила я, и у меня перехватило дыхание. Это была чистая *правда*. Не важно, взяли бы Зося в отель или нет. Отчаянное любопытство влекло меня к тем местам, что мелькали за дверьми отеля. Кипучая жажда переполняла душу, но я старалась к ней не прислушиваться. Ровно то же дурацкое любопытство когда-то и привело меня в Дюрк, заставив бросить наши родные края.

Чувство вины царапнуло меня острым когтем. Я утерла глаза.

– Что такое? – спросил Кор.

– Да так, просто дом вспомнился.

Кор склонился ко мне.

– Скучаешь по нему?

Это еще мягко сказано. Все четыре года жизни в Дюрке меня не покидал гнетущий страх, что я навсегда распрощалась с единственным местом, где чувствовала себя в своей тарелке.

– Как только закончим с работой в отеле, вернемся с сестрой в Алиньи, – сказала я.

– Понятно. А сестра тоже хочет вернуться?

– Ну... само собой, хочет.

Кор вскинул бровь.

– А ты ее спрашивала?

– Нет, но... я... я... – Я начала запинаться и сбилась с мысли. В голове возникло разом столько вопросов, что она того и гляди рисковала взорваться. Я открыла рот и сказала первое, что пришло на ум.

– А почему ты солгал про апельсин?

Кор склонился ко мне так близко, что я кожей почувствовала его дыхание, и мой пульс подскочил.

– Наш метрдотель очень трепетно относится к этим самым апельсинам. Узнай он, что ты разбила один, тебе бы это с рук не сошло. Больше ни о чем не спрашивай.

А как же те странные огоньки на свечах, как же бесконечная магия? Вопросы царапали мне горло, точно крошечные ножички, и рвались наружу, раздирая меня на кусочки.

Я не узнавала саму себя.

Тихоней меня не назовешь, но я никогда так смело не об-

щалась с едва знакомым парнем и уж точно не доверялась так быстро. Вообще, я никому еще не рассказывала о своих дюркских горестях. Гордиться там было нечем.

Я поймала взгляд Ирсы из глубины бара, и тут меня осенило. Недаром алхимики славятся тем, что их зелья меняют сознание!

– Что мне налили? – спросила я, принохиваясь к остаткам сока.

– Если правда хочешь быть под моим шефством, мне стоит выяснить кое-какие детали.

То есть мои откровения были спланированы заранее. Им.

– Ты попросил ее плеснуть мне волшебного зелья?

– Извини, но иначе никак. Обычно собеседование проводит именно Ирса, но едва ли тебе понравился бы ее подход. Поэтому я упросил ее уступить эту почетную задачу мне, – спокойно пояснил он.

Он думает, будто сделал мне одолжение!

– Да и потом, тебе в сок добавили всего капельку Правды, – продолжал Кор. – С помощью этого снадобья Ирса выясняет, каковы самые сильные стороны потенциального кандидата на должность, и так подбирает лучших исполнителей. Обычно Правду капают на кончик языка в самом конце собеседования.

Во время моего визита к Ирсе до этого не дошло, но Зою, по всей видимости, эта самая капля не миновала. Недаром она так быстро подписала контракт в чайной. Наверняка

так повлияло на нее волшебное снадобье – я на себе прочувствовала, как трудно сопротивляться этой магической силе, когда она огнем струится по твоим жилам.

– А сколько продлится эффект?

– Увы, всего несколько минут. – Губы Кора тронула тень улыбки. – Честное слово, ничего забавнее этим утром со мной не происходило.

– Ах ты мерзавец!

Он вскинул подбородок.

– Ты первая, кому хватило наглости меня так назвать.

– А ты, кажется, не ожидал.

– Что верно, то верно, – едва слышно подтвердил Кор. –

Про контракт позже поговорим. Я сам тебя отыщу. Если хочешь продержаться на работе не две недели, а дольше, не опаздывай на инструктаж.

Точно! Я поспешила из бара, вцепившись себе рукой в горло, точно это могло сдержать нежеланный поток моих откровений.

Синий зал оказался душевной комнатой на служебном этаже. Единственное, что в нем радовало, – это потолок небесно-синего цвета, разрисованный пушистыми облачками.

Я все искала взглядом Зосю. В нашей комнате ее не оказалось, и я решила, что она уже на инструктаже, но и тут ее не было. Стоило мне прокрутить в памяти все слова Кора, и беспокойство мое только усилилось. Я вспомнила, как вчера из меня полезли мерзкие личинки. Если использование уста-

ревшего приглашения – столь серьезная провинность, что меня за нее едва не убили, проблемы с контрактом вполне могут грозить куда более страшными последствиями.

– Тишина! – Громкий голос прорезал шум толпы.

– Кто это сказал? – шепнул какой-то работник позади меня.

Ему указали на огромное зеркало в золотой оправе, висевшее на стене. В нем проступило отражение метрдотеля, вот только в самой комнате его не было.

– Добро пожаловать в мой отель! – объявило отражение, и все ахнули. – Меня зовут Аластер. Я бы с удовольствием проинструктировал всех вас лично, но, увы, нет времени.

Пока он говорил, с его губ не сходила улыбка – безупречная, словно бы нарисованная на лице марионетки.

– Что вам известно об отеле «Манифик»? – любопытствовало отражение у собравшихся.

– Что это – единственное место на земле, где магия безопасна! – крикнул бледный паренек в костюме швейцара. – И что отель каждые сутки перемещается в новое место!

– Очень хорошо. Еще что-нибудь?

Девушка постарше с гладкой смуглой кожей добавила:

– Что к полуночи мы все должны быть внутри.

– А что будет, если нас застанут снаружи? – уточнил бледный швейцар.

– У входа проведена граница между отелем и Дальней-Далью. Если гость или работник с подписанным контрактом

окажется снаружи в полночь, когда отель отправляется в путь, он попросту исчезнет. И, увы, больше нигде не появится. Таков побочный эффект мощной магии, обеспечивающий безопасность самому отелю.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

Зося подписала контракт!

И тогда, на кухне Безье, Кор горячо настаивал на том, чтобы увести ее с собой. Я подумала, будто за этим кроется какой-то эгоистичный мотив. На самом деле он пытался спасти её жизнь, пока я мешала ему с этим дурацким кухонным ножом. Сумею я настоять на своем, Зося исчезла бы навсегда, и только я была бы в этом виновата.

Я приподнялась на цыпочки и снова попробовала отыскать ее в толпе, но людей вокруг было слишком много. Сердце тревожно заколотилось. *«Спокойствие. Она наверняка за кем-то спряталась»*, – твердила я себе, но все без толку.

Наконец Зося протиснулась ко мне сзади, и я судорожно выдохнула.

– Ты где была?

Она не ответила. Ее взгляд был прикован к красавице с безупречной светлой кожей, стоявшей у зеркала. На ней была точно такая же бархатная униформа, как у Ирсы, только она плотнее облегалась все ее изгибы и открывала внушительный бюст. На голове у нее был гигантский синеватый парик с длинными локонами.

– Как думаешь, кто это? – потрясенно спросила Зося.

– Дама, которая от туалетного столика не отходит.

Зося хохотнула.

– Тише! – шепнула я ей, но мы еще немного похихикали, а потом Зося одернула рубашку – ту самую, которая была на ней и вчера. Все в зале были в униформах, кроме нее.

– А твоя форма где?

– Мне сказали, что позже выдадут.

– Кто сказал?

– Другие артисты. До сих пор поверить не могу, что буду петь.

Я была рада за нее, и очень, но почему-то улыбка у меня получилась вымученная.

– А тебе сказали, когда приступать?

Зося покачала головой, а потом толкнула меня локтем, заметив, что метрдотель в отражении прочистил горло. Огоньки свечей задрожали, и все так и застыли.

– А сейчас должен вас кое о чем предупредить, – объявило отражение. На губах Аластера по-прежнему играла та самая зловещая улыбка, только теперь она стала гораздо шире. – Всем вам очень повезло, что вас взяли сюда на работу, но гости для нас куда важнее персонала. Если кто-нибудь из вас нарушит правила, от вас тотчас же избавятся. На ваше место претендуют толпы кандидатов. Помните об этом.

Я крепче сжала руку Зоси. Последним, чего мне хотелось, было возвращение в Дюрк.

– Но, если будете соблюдать правила, беспокоиться не о

чем, – продолжало отражение.

– Какие правила? – спросил кто-то.

– В ближайшие дни кураторы вам все объяснят. Это всего лишь меры предосторожности, необходимые для того, чтобы обезопасить вас от магии. Если будете послушны, то заслужите право выходить на улицу и наслаждаться тем, за что так дорого платят наши гости. Впрочем, если кто-то не готов ждать, я аннулирую ваши контракты, и вы сможете распрощаться с отелем в любой момент.

Сердце гулко застучало у меня в груди. Получается, мы сможем вернуться в Алиньи, когда отель там появится! Но сперва можно немного и поработать, побывать в тех краях, что появляются в путеводителе! Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– А теперь готовьтесь к самой дивной работе, что только встретится на вашем пути! – Метрдотель в зеркале взмахнул рукой, и комнату заполнили крупные блески. Когда их волна немного рассеялась, отражения Аластера уже и след простыл.

Персонал начал сбиваться в группки по цвету униформы. Других артистов мы не нашли, поэтому Зося пока осталась со мной. Вскоре я заметила посреди толпы новых горничных – девушек, так же сильно отличавшихся друг от друга телосложением и оттенком кожи, как и гости, – Беатрис.

В руках у той была книга под названием «Правила для горничных от месье Валетта. Издание четвертое».

– «Утренние часы надо уделить уборке гостевых номеров», – прочла Беатрис вслух.

То есть перестелить постельное белье и оттереть полы до блеска. Затем почистить подсвечники, протереть мебель от пыли, привести в порядок пушистые ковры и выбить маленькие.

– После быстрого перекуса нужно вернуться к прерванной работе. Само собой, будут попадаться и не слишком приятные задачи. Отмыть ванную и уборную... – Беатрис мило улыбнулась. – Оттереть туалет.

Зося хихикнула, и я ткнула ее под ребра.

После Беатрис описала обязанности до и после ужина. Затем вкратце рассказала о гостях – от многообразия национальностей в этом перечне у меня аж голова пошла кругом. Я запомнила только, что всех их роднил увесистый кошелек: приглашения в отель действовали всего две недели, но даже этот недолгий срок требовал немаленьких трат.

– Почему же метрдотель выставляет такие большие цены? – спросила высокая смуглая девушка.

– Скоро вы узнаете, что все эти деньги зря не пропадают.

Я бы еще поняла, если б деньги требовались на покупку чего-нибудь важного, но ведь метрдотель был самым всемогущим сюминаром в мире!

– Зачем ему вообще персонал? – спросила я. – Разве он не может повелеть отелю самому очиститься?

– Все не так просто. Есть чары, которые выбеливают ска-

терть, если на нее случайно что-то прольется, или еще в чем-нибудь помогают по мелочи. Раньше действовали заклинания, которые сами заправляли постели, вот только если несчастные гости просыпались поздно, они часто оказывались в ловушке – под плотным слоем чистых простыней. – Беатрис с трудом сдержала смешок. – Гости постоянно меняются, и комнатам приходилось под все эти перемены подстраиваться. А в условиях непостоянства чары не так уж и эффективны! Метрдотелю пришлось бы тогда без конца накладывать новые.

– Что же ему мешает?

Беатрис пожала плечами.

– Мне он сказал, что на заклинания нужно время. И что команда горничных куда лучше управится с задачей, не отвлекая его. Так ему больше нравится.

Пока Беатрис все это рассказывала, наших лиц успели коснуться лучи солнца. Нарисованные на потолке облака окрасились розовым и алым, точно в зале и впрямь рассвело.

Беатрис покосилась на потолок.

– Здесь вас ждет невиданная доселе магия. Ее цель – впечатлить гостей, но это не значит, что и вам нельзя на нее полюбоваться.

Она погладила стальную бабочку на своем плече. Та хлопала крыльями, точно живая. Должно быть, это очередной сюминар!

Двери открылись. Новые работники группками устреми-

лись на выход.

Горничные направились было следом, но Беатрис окрикнула их:

– Еще одно объявление! На исходе каждой недели в полночь мы устраиваем небольшой званый вечер. Сегодня – первый такой летний праздник, но я не могу пустить новых горничных в фойе: слишком уж вы неопытные. Поужинаете у себя в комнатах. А к работе приступите завтра на рассвете в прачечной второго этажа. – С этими словами она нас отпустила, а сама обратилась к коренастой бледной женщине в поварской униформе.

Не успели мы и шага ступить, как к Зосе подошла нарядная дама в синем парике. Щеки у нее были густо намазаны теми самыми розовыми румянами, которыми всегда так экономно пользовалась наша маман.

– Ты, должно быть, Зося. Какая хорошенькая! Пойдем со мной. – Женщина крепко взяла мою сестру за запястье.

Все случилось так быстро, что я инстинктивно ее не пустила.

Женщина шлепнула меня по руке своим веером, украшенным кисточками.

– Волноваться не о чем. Эта милая малютка будет работать на меня каждый вечер и станет новой моей *chanteuse*⁷! – Дама смерила меня взглядом, вылавливая что-то из своего внушительного выреза. Вскоре оттуда показался серебри-

---

⁷ «Певица» (фр.) – Прим. пер.

стый птичий коготь на цепочке. – А ты кто такая?

– Ее сестра.

– Вот как! – Она взмахнула ресницами и кивнула кому-то за моей спиной. Рядом тут же появилась Беатрис. – Если твоя новая горничная хочет удержаться на этой должности, посоветуй ей не мешаться у меня под ногами, – процедила дама.

Зося поникла. Она неуверенно обернулась ко мне, но тут ее новая начальница крепко взяла ее за локоть и потащила из зала.

Захлопнулась дверь, а я так и осталась стоять, изумленно глядя им вслед. Чувство у меня было в точности такое, как в тот день, когда Зося удрала в восточные ворота в каменной стене, ограждавшей Алиньи, и исчезла. Я искала ее как ошалелая, сама не своя от тревоги, а через час она объявилась сама, с большущим букетом полевых цветов.

Вот и теперь это самое чувство твердило мне: беги, беги за ней! *«Спокойно, – возразила я сама себе. – Зосе в отеле ничего не угрожает. Вы скоро увидите».* Одно ведь дело – отель, другое – открытая местность.

– Выходит, твою сестру взяла под крыло мадам де Рев, – проговорила Беатрис.

«Госпожа грез». Этот титул напоминал громкие надписи на афишах, расклеенных у старых доков. Едва ли это ее настоящее имя.

– А форма у нее совсем как у Ирсы. Они что, вместе работают?

– Можно и так сказать. Сколько себя помню, они обе были очень близки к метрдотелю, – пояснила она и поджала губы. – Но обязанности у них разные. Ирса следит за порядком в салоне, а мадам де Рев устраивает концерты и праздники.

– То есть Зося начнет петь прямо сегодня?

– Возможно. – Беатрис проводила меня до двери. – В ближайшие дни ты ее отыщешь. Поймаешь. А пока ступай к себе в комнату. Рассвет ждать не станет.

Я замешкалась.

– В ближайшие дни? Но мы ночуем в одной комнате!

– Я слышала, в последний момент решили внести небольшие коррективы. В отеле несчетное множество комнат. Твоей сестре дадут номер поближе к другим артистам. – С этими словами она вытолкала меня за дверь и захлопнула ее у меня прямо перед носом. Я так удивилась, что даже не обиделась.

Теперь у меня была своя комната.

Что-то отдаленно похожее произошло на мой девятый день рождения, когда маман устроила мне сюрприз – подарила кровать, купленную у Бомонтов, живущих в паре домов от нас. Она была хоть и скрипучей, но очень красивой, из тщательно залакированного орехового дерева, на котором были вырезаны виноградные лозы. Это было огромное событие, учитывая, что до этого мы с Зосей спали на одной раскладушке, а теперь у меня появилась целая кровать!

Но в первую ночь засыпать в одиночку было странно. Зосе тоже стало не по себе, и она даже забралась тайком ко мне

под одеяло. Я сделала вид, что сержусь. Наверное, мало кому нравится спать вместе с младшей сестрой, но мы уже столько лет жили именно так, что мне совестно было ее не пустить.

А теперь в моем распоряжении была целая комната!

Все еще не в силах свыкнуться с этой новостью, я, точно зачарованная, пошла по коридору, залитому светом свечей. Неведомо откуда доносились приглушенные звуки: шум дождя, поцелуй, тихий шелест шелковых чулок, проклятия шепотом. Звуки окутали меня, точно во сне, и я сбилась с пути, перестав понимать, куда я иду и была ли в этом коридоре прежде.

Казалось, коридоры меняют расположение, и непонятно было, как же мне вернуться. Вскоре я вышла в коридор, где не было ничего, кроме шкафа, на дверцах которого были вырезаны солнце, снежинка и слова *Conditions Météorologiques Actuelles*. Нынешние погодные условия.

Беатрис упоминала про «погодные шкафы». Я приоткрыла дверцу в надежде увидеть что-нибудь необычное, но внутри оказались только принадлежности для уборки – вроде нескольких швабр.

– Погодные шкафы только для гостей.

Я резко обернулась и нос к носу с толкнулась с Кором в вечерней ливрее. Он оказался так близко, что сердце в моей груди взволнованно затрепетало.

– Я заходил к тебе в комнату, но тебя там не оказалось.

– Да? – Я огляделась. – Надеюсь, она где-то недалеко.

– В противоположном углу этого самого этажа.

– Надо же... – сказала я и повернулась лицом к шкафу, чтобы Кор не увидел румянец, вспыхнувший на моих щеках. – Как же все это работает?

– Обещаешь, что больше в них не полезешь, если я тебе покажу?

Я и не такое готова была пообещать, так что кивнула. Кор схватил меня за руку, я попыталась вывернуться, но его хватка была крепкой.

– Я не кусаюсь. И, думаю, тебе понравится.

Мы шагнули в шкаф. По моей спине побежали мурашки. Кор захлопнул дверь, и все внутри погрузилось во мрак. Напрасно я это допустила.

– А теперь замри, – велел он.

Я крепко зажмурилась, а через мгновение почувствовала, как в лицо бьет свежий бриз.

– Что происходит?

– Если откроешь глаза, проще будет понять.

Я повиновалась и тут же ахнула от изумления, вцепившись в плечи Кора.

– А я-то думал, что не особо тебе нравлюсь.

– С чего ты это взял, интересно? – Я слегка оттолкнула

его и чуть не потеряла равновесие.

Мы стояли на скале у океана. О нее бились волны, обдавая меня ветром и брызгами. Прямо под нами из воды выпрыгнул кто-то огромный, с пастью, полной острых зубов. Я дернулась вперед и вцепилась в пиджак Кора. Он крепче обхватил меня. Мне уже не хватило смелости его оттолкнуть, пускай он и содрогался от хохота.

– Ничего смешного!

– Кому как! Но не бойся, все будет хорошо.

– Сказал человек, которому я меньше всего доверяю! – Я скользнула взглядом по темному океану. – Где это мы?

Кор указал на три здания на пляже. Точнее, два здания и узкую постройку, втиснувшуюся между ними.

– Это отель! – догадалась я. Только теперь он не был обшит узкими белеными досками: отделка у него была глиняная, персикового цвета. Ровная, стройная линия окон вдоль пяти этажей ничуть не изменилась, а самое верхнее окно так и осталось круглым. Конструкция осталась той же, изменился лишь материал фасада, казалось, в полночь отель сбросил ветхую кожу, словно змея.

– Мы снаружи, да?

– Нет. Но если бы вышли – ровно это бы и увидели. Нынешнюю погоду. – Он поднял руку и гулко постучал по воздуху костяшками пальцев. – Чисто теоретически мы по-прежнему в шкафу. Так что, если не хочешь напороться на невидимую швабру, советую еще пару секунд не двигаться.

Выходит, это были чары наподобие тех, что устроили в Синем зале рассвет!

– Держись крепче. – Обвив мое тело руками, Кор развернул меня к воде.

Пульс подскочил. Я вдохнула ночные запахи и соленый ветер. У меня закружилась голова.

– Все хорошо? – спросил он.

– Нет. Да. Такое чувство, словно я на краю света! – призналась я и чихнула, когда мне в нос попало несколько соленых брызг.

Кор молчал. Я обернулась к нему. На его губах играла едва заметная улыбка. Происходящее наконец его радовало.

Я почувствовала, как он встал поудобнее.

– Сдается мне, ты нечасто бывала в подобных местах?

– Всего пару раз, – ответила я, хотя на самом деле и впрямь никогда не видела ничего подобного. – А ты, должно быть, немало их повидал!

– Это правда, – ответил Кор. – Но тут и одного путешествия достаточно, чтобы уловить суть.

– Не соглашусь.

– Почему это?

– Во всем мире не найдется двух одинаковых уголков! Даже в море к югу от Верданна есть целых четыре цепи островов, но у каждого – свои неповторимые черты!

Кор вскинул бровь.

– Любишь географию?

Географию я и впрямь любила, но признаваться ему в этом не хотелось. Кор казался самым приземленным и практичным человеком из всех, кого я только встречала.

– В доме, где я жила, была комната со старыми атласами моряков. – Стоило мне вспомнить, как я листала эти помятые, старые странички, и в груди разлилось тепло.

Порой эти пыльные карты переносили меня в детство. Во времена, когда я мечтала о прогулках по пляжам, названия которых и выговорить не могла, о том, как буду лежать нагишом на теплом песочке, подставив кожу лучам солнца. Мне хотелось познать мир каждой клеточкой своего тела. Но то было еще до Дюрка, до того как я покинула дом.

– Что с тобой? – спросил Кор, заметив неладное.

– А как часто отель бывает в южном Верданне?

– Опять деревню свою вспоминаешь? – спросил он, только на этот раз в голосе не было и грамма насмешки.

– А что? – Я подняла взгляд и застыла.

Он изучал меня с тем же серьезным выражением, которое проступило на его лице, когда разбился апельсин. Его рука поднялась в воздух. Лезвие ножа легко скользнуло по моему подбородку.

– Вот что я тебе скажу: для этого места ты чересчур любопытна. – Он опустил руку. – Ну вот мы и вернулись, – коротко бросил Кор и выскочил из погодного шкафа, не дожидаясь меня.

Я нахмурилась. Пляж исчез.

– Мог бы и предупредить! – воскликнула я, хватаясь за стены для равновесия.

– Так неинтересно, – криво усмехнувшись, ответил Кор и поспешил по ближайшей лестнице, которой, готова поклясться, тут прежде не было.

– Стой! – Я побежала за ним, но на пути попался пролет, выстеленный ковром с узором из нуги и конфеток пастельных цветов. В воздухе запахло шоколадом.

– Нуга липкая, – предупредил Кор.

Он оказался прав. С трудом перейдя этот самый ковер, в котором так и утопали подошвы, я догнала Кора у огромного лифта, забранного решеткой.

– После вас. – Он кивнул на открывшиеся двери. Я замешкалась. – Кажется, ты хотела узнать правду о контракте.

Да. Я шагнула в кабину, на пол, сотканный из непоседливых облаков. Он оказался удивительно твердым. Изящный указатель на стене был повернут к надписи «перистые». Было еще два возможных варианта: «кучевые» и «слоистые».

Лифтера, казалось, облака ничуть не занимают.

– Сегодня обслуживаем только гостей, – заявил он, вскинув смуглую руку.

– И я рад тебя видеть, Зелиг. Последний этаж, пожалуйста. – Кор провел по решетке лезвием своего ножа.

Зелиг недовольно вздохнул, но повиновался. Кабина затряслась. А потом резко остановилась на шестом этаже. Я чуть не упала на Зелига, но вовремя удержала равновесие.

– Везет тебе на королей сегодня, – подметил Кор, когда мы вышли, и обернулся на Зелига.

– А он король?

– Уже нет. Но раньше правил островом Парнас в Седьмом море. Именно из-за него гости остаются в отеле всего на пару недель. Некоторым сановникам Аластер, желая их впечатлить, разрешает, уплатив баснословную сумму, пожить тут побольше, но не дольше месяца. А вот Зелиг – исключение из правил.

– Сколько же он уже тут живет?

– Его богатств хватило на двенадцать лет.

Я округлила глаза. Двенадцать! Подумать только!

– Но потом трон занял его дальний родственник и выслал отель из своей страны. Аластер был не в восторге.

– Но ведь перед Аластером был целый мир! Что за дело ему до одного-единственного острова?

– Поверь мне, дело есть. – Он кивнул на соседний коридор. – Нам туда.

Коридор вел к широкому пролету, где располагалось то самое большое, круглое, блестящее окно на самом верхнем этаже отеля.

Я кивнула на пейзаж за стеклом.

– Что там?

Кор смерил меня взглядом.

– А что ты видишь?

Над водой висела луна, вот только совсем не на том ме-

сте, что та, которая виднелась в окна фойе. Ее приглушенный, желтоватый свет лился на холмы с западной стороны. Серебристый дождь барабанил по гальке. Чуть поодаль маслянисто поблескивали доки.

Отсюда был виден и свет в окнах дубильни Фреллак, и тусклые газовые фонари вдоль бульвара Марины. На третьем этаже Дома Безье мерцал слабый огонек.

Я прижала ладонь к окну. Кожу тут же прошел холод. Стекло звякнуло под порывом влажного ветра, взметнувшего волну брызг у причала. Я отдернула ладонь. От запотевшего стекла пальцы стали влажными, и их еще покалывало от холода.

– Ну? И что же там такое?

– Дюрк, – ответила я, потому что это была чистая правда. Но и без магии здесь вряд ли обошлось, ведь в действительности этот город наверняка уже находился на другом конце света от нас. Кор такому раскладу ничуть не удивился.

– Лунное окно заколдовано: оно показывает гостям их дом, место, куда они вернуться, когда покинут отель. Такой вот бонус для тех, кто оплатил постой. – Дюрк моим домом не был, но окно этого не знало. Кор постучал по стеклу костяшками пальцев. – Судя по твоему лицу, ты переживаешь все то же, что и гости.

– Вот только я не гость!

– Именно, ты не гость.

– Может, и я обладаю магией? – спросила я и тут же усты-

дилась своего вопроса. – Я к тому, что... я никогда не думала...

– Не волнуйся. Это исключено. Я ею, к примеру, обладаю, а лунное окно ничего подобного мне не показывает.

– Тогда почему же... – Я расправила плечи. – Мой контракт! – Должно быть, все дело именно в нем!

Кор кивнул.

– Когда мы вошли в отель, я в спешке схватил гостевой контракт и понял это слишком поздно.

– Ясно, – ответила я, хотя мало что поняла из этого объяснения. – Получается, персонал подписывает совсем другие документы?

– Увы.

Мне вспомнился энергичный женский голос, зазвучавший в моих ушах на входе. Гости сталкиваются с магией куда чаще персонала! Раз я подписала гостевой контракт, получается, я тоже смогу ею насладиться! От радости у меня аж голова закружилась, и я восторженно взглянула на Кора.

– А ты что видишь?

– Как и все работники – пляж, протянувшийся у главного входа, – ответил он и с тоской выглянул в окно.

Беатрис предупреждала, что не стоит расспрашивать персонал о доме, но мне очень был нужен ответ.

– А ты хочешь увидеть свой дом?

Кор промолчал, но слова и не требовались – все отчетливо читалось по его лицу. Наверное, родом он был из какого-то

дальнего уголка, куда едва ли приедет отель.

Напрасно Аластер лишил свой персонал возможности пользоваться магией лунного окна! Это жестоко! Я ощутила прилив сочувствия к Кору, но не знала, чем его утешить. Не успела я и пары слов из себя выдавить, как он со вздохом опустился на диванчик, обитый бархатом.

Стульев поблизости не оказалось, так что мне пришлось сесть на тот же диван, рядом с ним. Внутри все сжалось, но я заставила себя опуститься по соседству. Бархатная подушка зашипела и пришла в движение, точно кошка, решившая потянуться.

– Мамочки! – Я подскочила. – Это еще что такое?

Плечи Кора задрожали. Он попытался зажать рот рукой, но скрываться было поздно – этот негодник снова поднял меня на смех!

– До чего же приятно, что ты считаешь меня такой *веселушкой*!

– А мне-то как приятно, – утирая глаза, парировал он. – Не бойся, это просто чары. Тут они на каждом шагу. – Он провел по дивану ладонью. – Садись, теперь все в порядке.

– Нет уж, спасибо. – Я скрестила руки на груди. – Мы как, закончили?

– Моя компания тебе уже наскучила?

– Да не то слово! – воскликнула я и тут же прикусила язык. Как-никак я была в долгу перед Кором за то, что он дал мне работу, помог быть ближе к Зосе. Я открыла было рот, чтобы

извиниться, но тут он вскинул руку.

– Слушай. Я знаю, что ты мне не доверяешь и что особых причин для доверия и впрямь нет, но пусть история с контрактом останется между нами. Если об этом узнают не те люди... – Он напряженно поджал губы.

Я не планировала никому про это рассказывать, но и представить не могла, что вся эта история может оказаться опасной. От мысли об этом по спине побежал холодок. Я кивнула.

– Прекрасно. – Кор покосился на напольные часы. – Уже поздно. Мне пора вниз.

А снизу уже доносились звуки музыки, смех, звон бокалов. Праздник начался. Я подошла к балкончику, но ничего разглядеть не сумела.

– А на празднике будет много магии?

– Ты и представить себе не можешь сколько. А когда у всех от нее уже голова пойдет кругом, команда самых сильных сьюминаров устроит представление под занавес всего торжества.

Я распахнула рот.

– Что такое?

– В Дюрке ходят слухи, что самые сильные сьюминары бессмертны.

– Бессмертны? Гм. В некотором смысле.

– То есть это правда?

– Отчасти. – Кор коснулся выпуклой вены на своем запястье. – Наша сила зависит от количества магии в наших

жилах. С ее помощью мы выздоравливаем быстрее, чем обычные люди.

Прозвучало это вполне логично.

– Нам еще рассказывали, что дети-сюмины легко оправляются после смертельных ранений, могут даже воскреснуть! Так, мол, можно отличить сюминара от обычного ребенка... Ну и другие сплетни тоже ходят...

– Это какие же?

– Что вы пьете кровь! – выпалила я и отскочила на шаг назад. – Ну, не конкретно ты, а...

Кор рассмеялся.

– Не переживай, твоя кровь не пробуждает во мне аппетита. Остальные сплетни ближе к истине.

– Вы можете воскреснуть?

– Воскреснуть в принципе невозможно, но некоторые сюмины способны оправиться, даже будучи на пороге смерти. Есть мнение, что таков защитный механизм нашего тела, раз уж в нем содержится столь мощная магия. Сюмины послабее живут чуть дольше и восстанавливаются быстрее, но стареют и умирают. А вот сильнейшие из сюминов – наподобие тех, кто выступит сегодня, – совсем другие. Они, по сути, бессмертны, как ты верно подметила.

– Как метрдотель?

– Именно. – Кор расправил пиджак, уже готовясь уйти, а потом вдруг схватил меня за плечо и склонился ко мне, притянув так близко, что сердце бешено заколотилось о реб-

ра. – Если у тебя появятся новые вопросы, сперва обратись ко мне. Что-то мне подсказывает, что рту твоему доверять не стоит.

Я вырвалась из его рук и, нахмурившись, кивнула.

– Чудно. – Кор указал на узкую лестницу неподалеку. – Восточная лестница приведет тебя прямиком вниз.

Он удалился, а я снова села на диванчик, ругнувшись, когда подушка замурчала.

По коридору эхом разнесся смех Кора.

Пока я спускалась по лестнице, из головы никак не шло измученное лицо Кора у лунного окна. По правде сказать, Дюрк был последним местом, которое мне хотелось бы увидеть, но мысль о том, что от Зоси оно скрыто, тревожила меня.

Наши контракты были отпечатаны на плотной бумаге, испещренной абзацами, которых я не прочла. Мы подписали их безо всякой задней мысли. Наверняка они таили в себе

много такого, о чем я даже не догадывалась, в том числе и пункты, которые мне бы не понравились. Надо было поподробнее расспросить о них Кору, прижать его к стенке.

От мыслей о контрактах не осталось и следа, когда восточная лестница привела меня вовсе не в мою комнату, а в центр фойе. Праздник был в самом разгаре.

Меня накрыла паника. Должно быть, Кору было невдомек, что Беатрис строго-настрого запретила мне сюда приходить. Насколько мне было известно, спуститься отсюда можно было только одним путем – по служебной лестнице у салона, но для этого требовалось пересечь фойе.

Я быстренько обогнула джентльменов, собравшихся у карточных столов, и дам, ставивших на кон драгоценные камни размером с яйца.

– Извините, – пролепетала я, столкнувшись с женщиной с блестящей смуглой кожей в платье из серебристой рыбьей чешуи. Стоявший рядом с ней бледный юноша с короной в виде звезды зевнул, нисколько не стыдясь пятна от алой помады, размазанной у него на подбородке.

Мимо пробежала целая толпа женщин с пушистыми ангельскими перьями, примотанными к плечам, – я едва успела отскочить в сторону. Их преследовала внушительная яхта из бокалов, полных шампанского, которую несли моряки на ходулях. Сооружение опасно покачнулось. Шампанское плеснуло через край, и гуляки обступили меня плотной стеной. А я не могла пошевелиться, не могла даже понять, где

я, не то что разглядеть лестницу. Ладони взмокли.

– Держи. – Одна из гостей с бледной кожей и темными волосами протянула мне пустой бокал из-под шампанского и прикрыла веки. На каждом из них были нарисованы блестящие губы. Стоявшая рядом дама с кожей медового оттенка поцеловала ее обнаженное плечо.

Я с облегчением выдохнула, когда гости расступились, но моя радость была недолгой: тут же стало понятно, что они всего лишь уступают место ярко-красному пианино, за которым сидела женщина с темно-янтарной кожей и в серебряном смокинге. В какой-то момент она поднялась, бегая пальцами по воздуху, а клавиши так и продолжили прожиматься в унисон с ее движениями. Я вытерла пот, выступивший на висках, и прошла мимо еще нескольких сюминаров.

Мужчина с бронзовой кожей подкидывал пламя на блюде. Бледная, веснушчатая девушка с такими яркими волосами, что рыжее, кажется, во всем свете не сыскать, разливала нескончаемый поток напитков из наперстка в бокалы гостей. Дама, чья кожа имела желтоватый оттенок и была покрыта татуировками, держала у своего носа изумрудное перо и вдыхала его цвет, пока оно не поблекло и не сделалось белым, как кость. А потом она *выдохнула*. Поток зеленого дыма вырвался у нее изо рта, точно до этого она затянулась крепкой сигарой. Облачко налетело на пару гостей, окрасив их всех – до самых бровей! – в ярко-зеленый. Я отыскала взглядом перо. Теперь цвет у него был скорее лимонный. Зо-

ся при виде такого челюсть бы уронила от изумления!

Вспомнив о сестре, я огляделась. И хоть так и не заприметила никого из певцов, слава небесам, высмотрела служебную лестницу.

Я поспешила к ней и чуть из кожи вон не выскочила, когда прямо у моих ног разбился бокал для шампанского. В мраморном полу тут же разверзся рот и проглотил все осколки. Один из гостей, заметив это, рассмеялся, другой в ужасе отскочил.

Реакция присутствующих на волшебство была столь же разной, как языки, на которых они говорили. И это было вполне объяснимо: у каждой нации было свое мнение о магии, зависящее от того, сколь тернистой была история их общения с сьюминарами. Но всех роднило одно – нескрываемый интерес.

– Горничных на званые вечера не допускают, – подметил кто-то. Я обернулась. Коренастый официант с оливковой кожей строго взирал на меня.

– Я... я вниз иду... – Я кивнула на служебную лестницу.

По бокам от нее стояли два близнеца-великана. Все движения у них были одинаковые, точно руководил ими один ум на двоих. Они синхронно крутили лысыми головами, оглядывая толпу. Вместо одного глаза у каждого из них на лице был толстый шов из черных нитей, особенно заметный на бледной, как бумага, коже.

Моргали они тоже в унисон. Я подскочила.

– Кто это? – спросила я официанта.

– Сидо и Сазера. Сюминары, которые отчитываются перед самим метрдотелем. Я бы на твоём месте нашел другую лестницу, – заметил официант и скрылся, не успела я спросить, где ее искать. *Вот черт.*

На стуле неподалеку кто-то из гостей позабыл свой пиджак, и очень кстати. Я набросила его на плечи, чтобы спрятать свою униформу. Толпа начала движение. Я нырнула в альков, чтобы немного выждать. Как только гости разойдутся по своим комнатам, можно будет незаметно спуститься по лестнице.

Скрывшись от любопытных глаз, я заметила на стене в полумраке маленькую табличку. Большинство букв на ней были уже затерты, но я различила три слова: «*артефакт ведет тебя*».

Слова были выбиты на верданньерском, но вот слова «артефакт» я прежде никогда не встречала. Должно быть, указатель очень древний.

В фойе воцарилась тишина. Я подняла взгляд и увидела, как Аластер – с нарочитой театральностью – появляется из-за расшитой звездами кулисы рядом с дверью.

– Приветствую вас, путники! – прокричал он. – Добро пожаловать в отель «Манифик»! Впереди вас ждет целый мир!

Толпа заулюлюкала.

– Вы пересечете моря и континенты, а мы сделаем все, чтобы неустанно возбуждать ваше любопытство, радовать

вас чудесами, наполнять вас счастьем, которое будет жить в вашей душе и после того, как вы позабудете об этом путешествии! Что ж, пора начинать! Ровно в полночь мы отправляемся в Дальнюю-Даль!

Свет померк, толпа гостей встала полукругом неподалеку. В полумраке невозможно было разглядеть, охраняют ли близнецы служебную лестницу, или уже нет. Но и *меня* они вряд ли бы разглядели. Борясь с волнением, я скользнула к толпе.

В ее центре неподвижно стояла женщина с красивой смуглой кожей и блестящими губами, закутанная в темно-синий бархат. У лица она держала фиолетовый цветок. Ее поза напомнила мне уличных артистов из Дюрка, которые мазались бронзовой краской и притворялись статуями.

Мужчина рядом сжал программку.

– Можно посмотреть? – спросила я.

Он протянул мне листок. Наверху серебристыми буквами было выведено: *Le Spectacle de Minuit*. Полуночный спектакль. Описание было дано на оборотной стороне.

Сперва Иллюзионистка порадует вас облачным представлением, а затем Ботаник – бумажным.

Желающих выпить и подкрепиться обслужит мадам де Рев, а ее подопечные певицы выступят на сцене «Салона развлечений».

Но не задерживайтесь там, дамы и господа, не задерживайтесь.

Ровно в полночь «Манифик» отправится в Дальнюю-Даль.

Я уставилась на слово «певицы». Возможно, Зося будет выступать в салоне, но глупо даже пытаться туда попасть.

Я пробежала взглядом весь текст. Остальные имена и прозвища, должно быть, относились к сьюминарам – значит, женщина с цветком в руках – это Иллюзионистка. Правда, ничего особенного она не делает.

Тут я подняла глаза и ахнула.

Теперь посреди толпы стояли целых восемь одинаковых иллюзионисток, и все нюхали нераскрывшийся бутон. Затем они в едином порыве коснулись указательным пальцем лепестков, и те под восторженные возгласы толпы превратились в *крылья*.

Из раскрытых ладоней Иллюзионистки и ее клонов полетели мотыльки, бабочки и пчелы, и вскоре их стало так много, что они сбились в целые облачка, закрывшие потолок. Женщины хлопнули в ладоши, и облачка сменили цвет. Сперва они стали лиловыми. Потом персиковыми. Затем кроваво-красными. Серебристыми. Ярко-синими. Гости изумленно следили за представлением. Но это было только начало.

Замерцали огни, и женщины вдруг исчезли.

– Глядите! – крикнул кто-то.

Из облаков, зависших под потолком, спустились восемь женщин и разместились на огромном канделябре в форме корабля. Вместо платьев на них теперь были корсеты и панталоны, расшитые серебристыми сетками. Все восемь заговорили хором.

– Я – Иллюзионистка, и моя цель – поразить вас! Пришло время для последнего фокуса: я обернусь океанской бурей! Наслаждайтесь моим подводным танцем, ведь после того, как вы покинете отель, он сотрется из вашей памяти!

Иллюзионистки захлопали в ладоши, и фойе заполнилось синим светом. По залу пронесся соленый бриз. Несколько гостей неподалеку аж вскрикнули, вдохнув несколько капель. У некоторых гостей платья раздулись, точно под водой.

У меня же платье взметнулось вверх, обнажив лодыжки. Я тут же принялась оправлять подол. А когда снова подняла взгляд, канделябр исчез, а фойе выглядело точь-в-точь как прежде.

Восемь Иллюзионисток теперь стояли на полу. Я моргнула, и все они слились воедино. Фокусница поклонилась публике, а на ее место тут же подошел господин в форменной ливрее.

Толпа взорвалась аплодисментами, но тут через них прорезались крики.

Посреди фойе замер юноша. Его серебристые волосы бы-

ли зачесаны назад и падали на спину, а на скулах были нарисованы блестящие листья, мерцающие на фоне золотистой кожи. Вокруг него, прямо из квадратов белого мрамора, выросли красные цветы.

– Давай еще раз, Ботаник! – попросил один из гостей с заметным верданньерским акцентом.

Ботаник! Беатрис как-то упоминала этот титул. Кажется, она говорила, что в авиарий могут зайти только Аластер и Хеллас, Ботаник. И этот самый сьюминар по имени Хеллас явно не слишком-то ей нравился.

Хеллас перемешал колоду карт и достал пикового валета, а потом метнул его на пол, и тот тут же превратился в белую лозу с черными цветами в форме пик, символизирующих масть карты.

Один из пожилых гостей наступил на цветок, и он тут же обернулся картой.

– Смотрите, магия сьюминаров – это пустышка! Раз – и нету! – провозгласил он.

Толпа ахнула. Хеллас улыбнулся и сорвал с головы нагледца федору.

– А ну верни! – возмутился господин, хотя, как по мне, вполне заслужил подобное обращение.

Возвращать шляпу фокусник не стал: он вложил в нее одну из карт и подбросил в воздух. Когда федора упала на мрамор, плиты разъехались в стороны. Корни обвилились вокруг ног господина, и вскоре из них выросло бумажное дерево.

Гости ахнули. Кора, по счастью, залепила наглещу рот и пустила цветы того же сапфирового оттенка, что и перо, украсившее федору.

– Не стоит недооценивать сюминаров из отеля «Манифик», а иначе можно лишиться чего-нибудь посерьезнее шляпы, – процедил Хеллас без тени иронии. С этим лучше не шутить, поняла я в ту же секунду.

Толпа захлопала, а потом начала отступать, освобождая место у лакированной двери.

– Манифик явится с минуты на минуту, – объявил один из гостей. – Я слышал, он один из самых талантливых сюминаров здесь, не считая самого метрдотеля!

К двери подкатали сцену на колесиках. Спустили пониже подвесные масляные лампы, чтобы лучше осветить вход. Аластер отделился от толпы и встал рядом с мадам де Рев.

Та уже успела переодеться в роскошное платье, украшенное павлиньими перьями. Парик у нее был уже не синеватый, а белоснежный, и вдвое выше прежнего. На шее у нее по-прежнему висел серебристый птичий коготь, а в руках она крепко держала элегантное зеркальце овальной формы.

Мадам де Рев обмахивалась им, пока Аластер его не отобрал и осторожно не спрятал в карман пиджака, точно оно имело для него особую ценность.

Мадам де Рев прочистила горло, и в фойе потемнело.

– Дражайшие путники! Поприветствуйте же сюминара, чьи феноменальные магические дарования помогают нам

каждую ночь перемещаться с места на место! – Де Рев вскинула руки. – Итак, встречайте! Манифик!

Вспыхнули огни. Манифик – в белых перчатках и плаще – вступил на сцену. Я представляла себе джентльмена с волшебными усами, но увидела смуглого юношу с ключом, висевшим на цепи. Ключом, к которому я сама *прикасалась*.

Манификом оказался Кор!

Прошлой ночью, когда он запирает дверь, я и подумать не могла, что передо мной – сюминар, благодаря которому движется целый отель! При этом он говорил, что сильные сюминары практически бессмертны.

И, видимо, имел в виду себя.

Неудивительно, что он так удивился, когда в салоне я обозвала его мерзавцем. Ну кто посмеет так дерзить властительному сюминару? Я закрыла лицо руками. А я еще спорила с ним, плевала в него! Угрожала старым кухонным ножом!

Потянувшись за апельсиновое дерево, Кор достал ту самую книгу, которую листал накануне вечером, раскрыл ее – тут переплет едва слышно хрустнул – и стал искать нужную страницу.

– Две минуты до полуночи, – шепнула одна из гостей. В руках у нее был путеводитель, где уже поблескивало фиолетовым обновленное место прибытия.

Гости знали, куда держит путь отель, но дело сейчас было вовсе не в чернильных надписях, а кое в чем поинтереснее. Подумать только, всего через мгновение мы окажемся

на другом краю мира, и для этого даже не придется покидать это вековое здание!

Кора за гостями почти не было видно, и мне пришлось протолкнуться вперед. Книга, которую он листал, оказалась причудливым атласом, полным карт, сплетенных вместе, точно паутинки, – некоторые были отпечатаны на крохотных страничках, некоторые зарисованы поверх газетных листов. Кор остановился на большой карте и провел по ней рукой с тем же почтением, с каким я обычно разглядывала атласы Безье. Затем вставил ключ в скважину и повернул по часовой. Прошла секунда, затем другая.

– Вот мы и на месте! – объявила де Рев. Оттолкнув Кору в сторону, она распахнула дверь. За той оказался вовсе не пляж, а бескрайний город, мерцающий и огромный. Шел густой снегопад. У меня рот раскрылся от удивления.

Аластер и де Рев раскланялись под гром аплодисментов.

За ними стоял Кор и смотрел за дверь с тем же восторгом, что и гости. «Тут и одного путешествия достаточно, чтобы уловить суть», – сказал он мне как-то. Но теперь я в это не верила.

Спустя минуту он захлопнул дверь и устало потер затылок. Неудивительно, раз именно он отвечал за еженощные перемещения отеля. По счастью, превращать это в шумный праздник для гостей требовалось лишь раз в неделю.

Аластер и де Рев снова поклонились толпе, а Кор тихонько ускользнул из фойе.

Следующим утром я – впервые в жизни – проснулась одна.

Сон тотчас слетел с меня, точно чары этого загадочного места. Зоси рядом не было, и от этого стало не по себе. «Наверное, дремлет еще у себя в комнате», – заверила я себя, чтобы отвлечься. Но после того, что я узнала вчера, это было не так-то просто.

Застегивая пуговицы на платье непослушными пальцами,

я все не могла выкинуть из головы слова Кора. Оставалась одна важная деталь, о которой он не упомянул ни разу: он так и не ответил мне, доберемся ли мы до юга Верданна. Обещание метрдотеля, что каждый сможет покинуть отель по собственному желанию, не сильно утешало в случае, если к Алиньи мы так и не приблизимся. От одной мысли о том, чтобы высадиться еще дальше от дома, чем мы были до отправки, становилось не по себе, но расспрашивать об этом было страшно.

Надо было поподробнее расспросить у Кора обо всех оставках, но слишком уж меня отвлекли чары. Так и хотелось поймать кого-нибудь из персонала, завести в угол и порасспрашивать обо всем, что меня тревожило, вот только я пообещала Кору, что ни с кем больше разговаривать не стану. Силен был соблазн позабыть об этом обещании, но я не могла. И дело не только в том, что Кор был великим сюминаром, но и в том, что он спас Зою – уже одним этим он заслуживал того, чтобы я хранила верность своему слову. Мне оставалось одно: попытаться найти его перед самым началом моей смены.

В то утро Беатрис собрала вместе всех новых горничных и повела нас вереницей темных коридоров, испещренных гостевыми номерами с поэтичными названиями на дверях. Так, мы миновали «Тупик в лабиринте», «Вкус греха» и «Шоколадную комнату».

– Номера тематические, да? – уточнила горничная, идущая

щая рядом со мной.

Беатрис кивнула.

– Метрдотель готовит их для самых высокопоставленных гостей. Меняет за каждой дверью цвета, убранство, даже звуки и запахи.

Из открытой двери комнаты под названием «Цветочное дыхание» донесся приятный аромат, мгновенно меня успокоивший. Я заглянула в номер.

Под потолком, точно облака, пестрели георгины. Каркас кровати, сделанный из стеблей дельфиниума, каким-то образом выдерживал матрас. На туалетном столике возвышались стеклянные куполообразные колпаки, прикрывавшие волшебные цветочные композиции. Под ближайшим из них лебеди из мха плавали по озеру из незабудок.

Я заметила на стене золотую кнопку размером с ноготь на мизинце. На столь же изящной табличке по соседству было написано на верданньерском: «Если хотите шампанского – нажмите».

Я с любопытством вскинула руку.

Тут подоспела Беатрис.

– Если не хочешь выносить отсюда ведро шампанского размером с ванную, очень не советую.

– Так уж и с целую ванную? – с удивлением переспросила я.

– Не веришь – нажми кнопку, – хмыкнув, ответила Беатрис и обратилась к остальным девушкам: – Каждый гостевой

номер полон сюрпризов. Особенно те, которые вам придется убирать.

Мы с интересом выстроились в коридоре, а Беатрис втокнула тележку с вещами из прачечной в самые широкие двери, что нам только сегодня встретились.

– Вуаля! Добро пожаловать в «Оду сказочному лесу»!

Комната получила свое название по праву: ее словно бы создали по мотивам детских книжек. Я погладила туалетный столик, украшенный резными фигурками рогатых волшебных существ. От моих касаний на дереве тут же расцвел лишай.

Посреди столика стояла фиолетовая коробочка, обитая бархатом. Я откинула крышку и проинспектировала содержимое: парочку путеводителей и горсть бирок для багажа. Сверху лежал «Список вещей в Дальнюю-Даль», и я его развернула. В нем встретились такие пункты, как галстуки и вечерние костюмы, а были и те, о которых я прежде и не слышала: туманный зонт, трикотаж для купания в соленой воде, трундльтивист.

– Что такое «трундльтивист»? – недоуменно спросила я.

Остальные горничные тоже удивленно переглянулись.

– Какая-нибудь пафосная побрякушка из тех краев, откуда прибыл гость, – пояснила Беатрис. – «Список вещей» у всех разный и зависит от того, откуда ты едешь.

Я улыбнулась при виде коротенького списка для питомцев на случай, если кому-то захочется взять их с собой.

– А где же ключ от номера? – В коробке его не оказалось.

– Ключами мы не пользуемся, – пояснила Беатрис. – Двери заколдованы: они сами открываются перед гостями, когда те находятся внутри, и перед персоналом, когда выходят. Еще есть внутренний замок, но только попробуйте его тронуть. Он пробуждает новые заклинания!

Беатрис выдвинула ящик, полный всего необходимого – от соды до хлорки.

– За работу! – провозгласила она и пошла показывать паре девочек другой номер.

Вскоре я уже стаскивала на пол ворох постельного белья.

– Грязное белье кладем в тележку, – подсказала горничная.

– Ой, извини. – Я обвела ее взглядом. Она была высокая, смуглая, но цвет кожи был какой-то нездоровый, точно она не высыпалась. – Меня Жани зовут! А тебя как?

Она нахмурилась, и я повторила вопрос.

– Софи. Я Софи, – наконец ответила девушка.

– Точно? – спросила я.

– Ну разумеется, – резко отозвалась она.

Это показалось мне странным.

– Извини за вопрос.

Раздраженно вздохнув, Софи сама отправила кипу грязного белья в тележку. Осталась только подушка, зависшая в воздухе у моей лодыжки.

Я взяла ее в руки. Из нее торчала одна нитка, и я дернула

за нее. Не самый разумный поступок, но уж не удержалась. Шов начал расходиться, оставляя в наволочке дыру.

Вокруг меня тут же собрались другие девочки и с благоговением уставились на подушку. Оказалось, что набита она вовсе не облачками.

Я прикрыла дыру ладонью. Сквозь мои пальцы посыпались перья, взвиваясь в воздух, все выше и выше, и вот уже до самого потолка протянулся самый настоящий белый столп!

Девчонки захихикали и принялись трогать невесомые перышки. Но стоило Беатрис вернуться, и смех резко затих.

Софи ткнула пальцем в меня.

– Вот кто это сделал.

Беатрис молчала. Я прямо чувствовала, как она прокручивает в голове список возможных наказаний, решает, пожаловаться ли метрдотелю, выгнать ли меня взащей.

«Успокойся, – велела я себе. – Это ведь дурацкая подушка, только и всего». И все же не могла двинуться с места, пока еще одна горничная – девушка с янтарной кожей – не поймала одно перышко.

– Как же все это устроено? – спросила она, и Беатрис заметно расслабилась.

– Почти все проявления магии, с которыми вы сталкиваетесь в отеле, это заклинания, наложенные самим хозяином. Он здесь самый сильный сьюминар. – Меня так и подмывало спросить, как же один человек сумел столько всего наколдо-

вать, но Беатрис пригвоздила меня строгим взглядом и хлопнула в ладоши. – А теперь за работу.

В последующие несколько часов я открыла для себя несколько маленьких заклинаний, значительно упростивших мне работу: оказалось, что запас салфеток восполняется сам собой, подушки не нужно взбивать, даже моя обувь – и та не оставляет на полу ни единого грязного пятнышка. Я старалась радоваться тому, как спорится работа, но настроение портило странное поведение других горничных.

Когда я попыталась узнать, как зовут еще одну горничную, она отреагировала в точности как Софи. А всякий раз, когда я пыталась завести разговор, мои собеседницы осекались на полуслове, или уходили куда-то, или с удвоенным усердием возвращались к работе, так тщательно следуя правилам, точно от этого зависела сама их жизнь!

И так – целый день. Меня это все так встревожило, что, даже когда поздно вечером Беатрис отпустила нас, мне трудно было уснуть. И без Зоси гнетущие мысли только усиливались.

Наутро, после нескольких кошмарных снов, я проснулась с болезненным спазмом в груди. И хотя первый мой день в

отеле был полон радости и восторга, они начали потихоньку развеиваться. Все, что я узнала от Кора, вкупе с поведением остальных горничных, давало тревожную пищу для размышлений. Место, куда я попала, начинало казаться подозрительным. Но других доказательств этому – кроме услышанных разговоров – у меня не было.

Одевшись в униформу, я решила пойти в прачечную другим путем и по дороге наткнулась на небольшой золотой ящичек с надписью «Сундук желаний». На нем висела гравированная табличка, разъяснявшая, что необходимо поднести губы к замочной скважине и шепотом попросить метрдотеля исполнить свою мечту. Я повернула в следующий коридор и поравнялась с сюминаром, раздававшим подарки. Гости, содрав полосатую упаковочную бумагу, обнаружили под ней горсть розовых лепестков, тут же вспыхнувших, как миниатюрный фейерверк, прямо у них на ладони.

Сама магия казалась вполне безобидной – много ли вреда от того, чтобы позабавить гостей в путешествии? И все же эти картины не успокаивали моей тревоги.

– Нам нужно будет ненадолго заглянуть на пятый этаж, – объявила Беатрис вскоре после того, как я вошла в прачечную. Разумеется, никто из горничных не стал спрашивать, куда же мы идем, так что и я прикусила язык.

Вскоре мы остановились у двойных дверей, обитых страусиной кожей и украшенных перьями с жемчугом. Надпись наверху гласила: *Salon de beauté* – «Салон красоты».

– Красиво, правда? – Беатрис бережно поправила одно из перьев и утерла глаза, смахивая слезу, набежавшую при виде двери. Такая реакция показалась мне чересчур бурной. – Мадам де Рев все здесь обустроила по образу и подобию «Мастерской чудес».

– А где это? – любопытствовал кто-то. Я тоже ни разу не слышала о такой мастерской.

– Это один из самых лучших дамских магазинчиков в Шампилье! Де Рев все свои парики покупает там. А здесь воссоздала их знаменитые примерочные. – Беатрис погладила перо, украшенное жемчугом. – Вот бы и мне увидеть их воочию!

– А ты не бывала в Шампилье? – спросила я. Он считался крупнейшим городом Верданна и славился своими каналами вдоль реки Нуар. Отель никак не мог обойти его стороной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.